
ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



МОСКВА. Ночью на Советской площади.

Фото В. Тарасевича.

На первой и последней страницах обложки: Панорама Куйбышевской ГЭС.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 43 (1584)

20 ОКТЯБРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Слава Великому Октябрю, открывшему новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения социализма!

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ЕЩЕ ШИРЕ РАЗВЕРНЕМ ВСЕНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ! ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ НАИБОЛЕЕ РАЗВИТЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПРОДУКЦИИ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ!

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 40-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СОРЕВНОВАНИЕ ДАВНИХ ДРУЗЕЙ

По дорогам страны, по городам и селам идет осень 1957 года, знаменательная сотнями, тысячами трудовых подарков, которыми встречают трудящиеся славное сорокалетие Октября. Сколько в эти дни приходит по-настоящему радостных сообщений с заводов, шахт, с гигантских строек, из колхозов и совхозов, в которых вся страна, весь мир ощущают могучую поступь Советского государства! Ведь это мы, советские люди, добились величайшего технического успеха, запустив первый в истории человечества искусственный спутник Земли!

Гордые могучей Отчизной советские люди еще шире развертывают соревнование в честь Великого Октября. В первых рядах соревнующихся — москвичи и ленинградцы. Изучая опыт друг друга, передовые производственники Москвы и Ленинграда добиваются все новых достижений.

Успешно выполняют свои социалистические обязательства коллективы столичного «Москабеля» и «Севкабеля» в городе на Неве.

Около трех десятилетий соревнуются эти два завода. И вот недавно москвичи по старой традиции приехали к своим ленинградским друзьям. Гости по-хозяйски знакомились со всем лучшим, что сделано на «Севкабеле». Охотно поделились ленинградцы своими новшествами.

Москвич Борис Уткин, освинцовщик, о многом успел потолковать с лучшим прессовщиком «Севкабеля» Василием Андриановым. И не без пользы — ему понравилась механическая загрузка ванн. «Сделаем это и у себя, на «Москабеле»!..».

Плодотворная беседа завершилась предложением, которое было сразу принято: начнем индивидуальное соревнование!

Теперь посланцы «Севкабеля» едут в столицу. Здесь тоже есть что перенять.

Сорокалетие Великого Октября будет отмечено новыми достижениями!



— У нас дела идут хорошо, а как у вас, московские друзья? — спрашивает бригадир Василий Андрианов.

Фото Б. Уткина.



Обмотчица «Москабеля» Анна Баранова после поездки в Ленинград знакомит своих подруг с новыми методами работы. На снимке (слева направо): Нина Зязина, Анна Баранова и Нона Лаврова.

Фото М. Савина.



Скульптура Г. Постникова «К звездам!».

СЕРДЦЕ РАКЕТЫ

Кандидат технических наук Ю. КРЫЛОВ

Наряду с созданием непосредственно искусственного спутника Земли и его аппаратуры задачей чрезвычайной трудности является доставка его на орбиту и сообщение ему космической скорости — 8 километров в секунду, необходимой для превращения его во «вторую Луну». Ракета-носитель, предназначенная для этой цели, должна обладать совершенной конструкцией и иметь мощный двигатель.

Современные ракеты сверхдальнего действия, предназначенные для полета с субкосмическими скоростями на больших высотах над поверхностью Земли, приводятся в движение так называемыми жидкостными реактивными двигателями. В главной части такого двигателя — камере сгорания — непрерывно сжигается специальное топливо, а образующиеся при этом газы выбрасываются наружу, развивая силу отдачи, как говорят, тягу двигателя. Так как ракета большую часть своего пути должна пролетать в чрезвычайно разреженных слоях атмосферы, где количество кислорода, потребного для горения любого вещества, ничтожно, этот кислород вместе с горючим должен быть запасен на борту ракеты.

Для того, чтобы ракета, несущая искусственный спутник Земли, достигла нужной скорости, двигателю необходимо развить большую тягу; вес ракеты должен быть по возможности меньше. На такую ракету приходится ставить несколько двигателей, ибо добиться получения тяги даже в несколько десятков тонн в одном двигателе — задача пока не разрешенная.

С целью уменьшения веса ракеты отбрасываются во время полета ставшие ненужными элементы конструкции, например, баки, из которых уже израсходовано топливо. Этот принцип осуществляется в многоступенчатых ракетах, где устанавливается несколько двигателей с отдельными баками, и в определенный момент полета баки, в которых топливо кончилось, отбрасываются вместе с их двигателями (как говорят, отбрасывается «первая ступень»), а оставшаяся часть конструкции со своим двигателем и баками («вторая ступень») продолжает лететь, набирая скорость. Такой процесс, производящийся несколько раз, предусмотрен в проектах ракет-носителей искусственного спутника Земли.

Однако вес конструкции даже лучших из современных ракет составляет около 20 процентов от общего веса ракеты. Остальное занимает топливо. Поэтому в первую очередь надо уменьшить запас топлива, необходимый для достижения космической скорости полета.

Еще К. Э. Циолковский доказал, что для этого требуется по возможности увеличить скорость, с которой газы—продукты сгорания топлива — вытекают из двигателя. Тогда каждый килограмм топлива будет давать более сильную «отдачу», и для того, чтобы получить нужную для разгона силу тяги, понадобится меньше топлива.

Как это сделать?

На этот вопрос давно ответила термодинамика и теплотехника: нужно брать наиболее калорийное топливо и сжигать его в камере сгорания под высоким давлением.

В двигателе, эффективно работающем на таком топливе, должны развиваться давления в 50 атмосфер и выше при температуре около 3 тысяч градусов. Хотя срок работы подобного двигателя и невелик (несколько минут), ни один из доступных технике материалов не способен выдерживать таких напряженных условий работы. Да подобной задачи ранее и не вставало, ибо в самых мощных тепловых двигателях других типов выделяется в 100—1000 раз меньше энергии, чем в жидкостно-реактивных.

Чтобы создать надежно работающий двигатель, нужно прежде всего решить проблему охлаждения и прочности его стенок. А это не так просто. Если сделать толстую стенку, она будет прочной, но, как бы ни охлаждать ее снаружи, с внутренней стороны она все равно расплавится. А если сделать ее тонкой, то она будет хорошо охлаждаться, но не выдержит давления. Одно из решений этой проблемы ракетная техника находит сейчас в том, чтобы делать тонкие стенки со специальными подкреплениями. Но и при хорошем охлаждении очень трудно получить температуру стенки ниже 500—800 градусов. Значит, материал, из которого сделана камера, должен быть особо жаропрочным. Современное металловедение обладает большим разнообразием специальных жаропрочных сталей с добавками никеля, кобальта, хрома,

титана, позволяющих сделать качественный выбор. Проблема охлаждения — одна из основных, но не единственная.

Чтобы быть заранее уверенными в надежной работе двигателя, необходимо провести сложнейшие расчеты процессов, происходящих внутри него. Надо знать, по каким законам перемешивается и сгорает топливо, как обеспечить равномерную его подачу в двигатель, как безопасно произвести первоначальное воспламенение топлива (вспомним хотя бы взрыв американской межконтинентальной ракеты «Атлас») и, наконец, каким нагрузкам подвергаются во время работы детали двигателя.

Особенное внимание приходится всегда обращать на обеспечение равномерной подачи и сгорания топлива, так как иначе возникнут сильнейшие вибрации, приводящие к разрушению двигателя и ракеты. Эта проблема сложна не меньше, чем проблема охлаждения.

Решение всех этих вопросов было бы невозможно без совместной работы ученых, занимающихся газовой динамикой, теорией горения, гидравликой, теорией регулирования. Только опираясь на достижения этих областей науки, советские инженеры и конструкторы смогли сконструировать мощный, надежно работающий двигатель для ракеты-носителя.

Без работ советских ученых в области баллистики, аэродинамики, газовой динамики и теории прочности невозможно было бы построить и самую ракету-носитель.

Для того, чтобы обеспечить точный выход спутника на орбиту, необходимо заранее рассчитать весь путь ракеты. Много пришлось потрудиться баллистикам и аэродинамикам, особенно последним. Физическое строение атмосферы вверху резко отличается от обычной: из-за большой разреженности молекулы газов движутся с огромными скоростями. На высоте в 300 километров при движении ракеты со скоростью 7 километров в секунду окружающая среда оказывает давление в 5 миллиграммов на 1 квадратный сантиметр. Бомбардируя летящее тело, молекулы передают ему свою энергию.

Для того, чтобы ракета и спутник не сгорели при запуске и во время полета, пришлось произвести сложнейшие расчеты для определения силы сопротивления среды.

Постройка ракеты для запуска первого в истории человечества искусственного спутника Земли свидетельствует о том, что советская наука достигла высокого уровня развития во всех областях и способна разрешать сложнейшие комплексные проблемы.

Намеченные в СССР запуски более тяжелых спутников Земли потребуют постройки еще более совершенных ракет и разрешения новых проблем. Основной из них явится защита спутника от нагрева при вхождении его в плотные слои атмосферы и обеспечение спуска на Землю. Это позволит осуществить полет с живыми существами.

Достигнутый в СССР уровень развития ракетной техники и смежных областей науки позволяет уже сейчас непосредственно готовиться к более дальним вылетам за пределы Земли.

На полную мощность!

14 октября 1957 года, в 20 часов 40 минут по московскому времени, был пущен двадцатый, последний, агрегат Куйбышевской гидростанции. С этого момента она самая мощная в мире. Хотя это не совсем точно. Она стала таковой еще накануне, когда начала вырабатывать промышленный ток девятнадцатая машина. Уже тогда лидировавшая до последнего времени американская станция в Грэнд-Кули отстала от Куйбышевской на 20 тысяч киловатт. А сейчас этот разрыв увеличился до 125 тысяч. Таким образом, наши ученые, наши техники, наши рабочие одержали еще одну победу.

14 октября вечернюю вахту около агрегата № 1 несла Вера Николаевна Левина. Она была дежурным машинистом и в день пуска агрегата. Теперь у нее под началом пять машин. Она довольна своими подопечными: все ведут себя безукоризненно. Особенно хороша «старушка», как называет Вера Николаевна первую машину. Она выработала уже около миллиарда киловатт-часов энергии. А всего к вечеру 14 октября девятнадцать действующих машин Куйбышевской ГЭС дали стране почти 8 миллиардов киловатт-часов. Конечно, семнадцатая, восемнадцатая, девятнадцатая, смонтированные в течение последней недели, внесли еще очень малую лепту, но трудились уже изо всех сил, поджидая, когда к ним присоединится двадцатая.

От первой, правофланговой, до двадцатой, замыкающей,— 540 метров. Монтажники прошли это расстояние меньше чем за два года. Вехами на их пути были турбины, генераторы. От вехи к вехе набирались сборщики смелости, мастерства, опыта.

— На первые две машины,— рассказывал мне Иван Васильевич Никифоров, бессменный руководитель монтажников,— ушло у нас 75 дней. А на последние шесть затратили 72 дня! К концу монтажа наши ребята уже совершенно не пользовались чертежами, могли работать хоть с закрытыми глазами... Только в одном просчитались. Обещали сдать последний агрегат 15 октября, а сдаем, как видите, 14-го!..— Иван Васильевич взглянул на часы.— Без пятнадцати восемь по-московскому. Думаю, что минут через сорок машина начнет трудиться!

Она, собственно, уже трое суток трудится. Уже трое суток вода гонит лопасти турбин, не давая им передышки; вертится рабочее колесо турбины, вращается ротор генератора. Но все это пока вхолостую. Агрегат должен был нагреться, прийти в рабочее состояние. Сейчас он готов к полезному труду, к труду на государство. Но его еще не включают в сеть. Это не так-то просто.

Вот почему идет неторопливая, тщательная проверка схемы, щита управления. Тем временем в пусковой отсек собираются люди, приглашенные на торжество. Сколько знакомых лиц! Вон мелькнула чья-то совершенно белая, ежиком подстриженная голова. Наверно, Евец? Да, он, Михаил Юрьевич.. С ним издали здоровается начальник строительства Иван Васильевич Комзин. Они знакомы более четверти века, со времен, когда строили «Магнитку»: Евец — землекопом, Комзин — прорабом. Оба и сейчас хранят по чугунной плитке, отлитой из первого магнитогорского металла... Здесь, на правом берегу Волги, работая экскаваторщиком, Михаил Юрьевич нарыл, перекопал, перебросал ковшом своей машины два миллиона кубометров земли. Сейчас у экскаваторщиков кончилась страда, и Евец перешел на подъемный кран. Он ставит опоры для высоковольтной линии передачи, которая пойдет на Урал. Сегодня Михаилу Юрьевичу — в ночную смену, и перед тем как заступить на вахту, он зашел поглядеть на «нашу последнюю».

...Но вот докладывают, что все готово к включению агрегата в сеть. Разрезается красная ленточка. На щите управления поворачивается маленький черненький ключик. И этого достаточно, чтобы машина рванулась в бой. Хотя внешне с ней не произошло никаких изменений. Она все так же ровно, спокойно «дышит». Но рожденная ею электрическая энергия с этой минуты, как и вся Куйбышевская ГЭС мощностью в 2 100 000 киловатт, уже работает на государство, трудится на коммунизм...

А. СТАРКОВ

Куйбышевская ГЭС.

Двадцатый агрегат Куйбышевской ГЭС дал промышленный ток.

Фото А. Гостева.

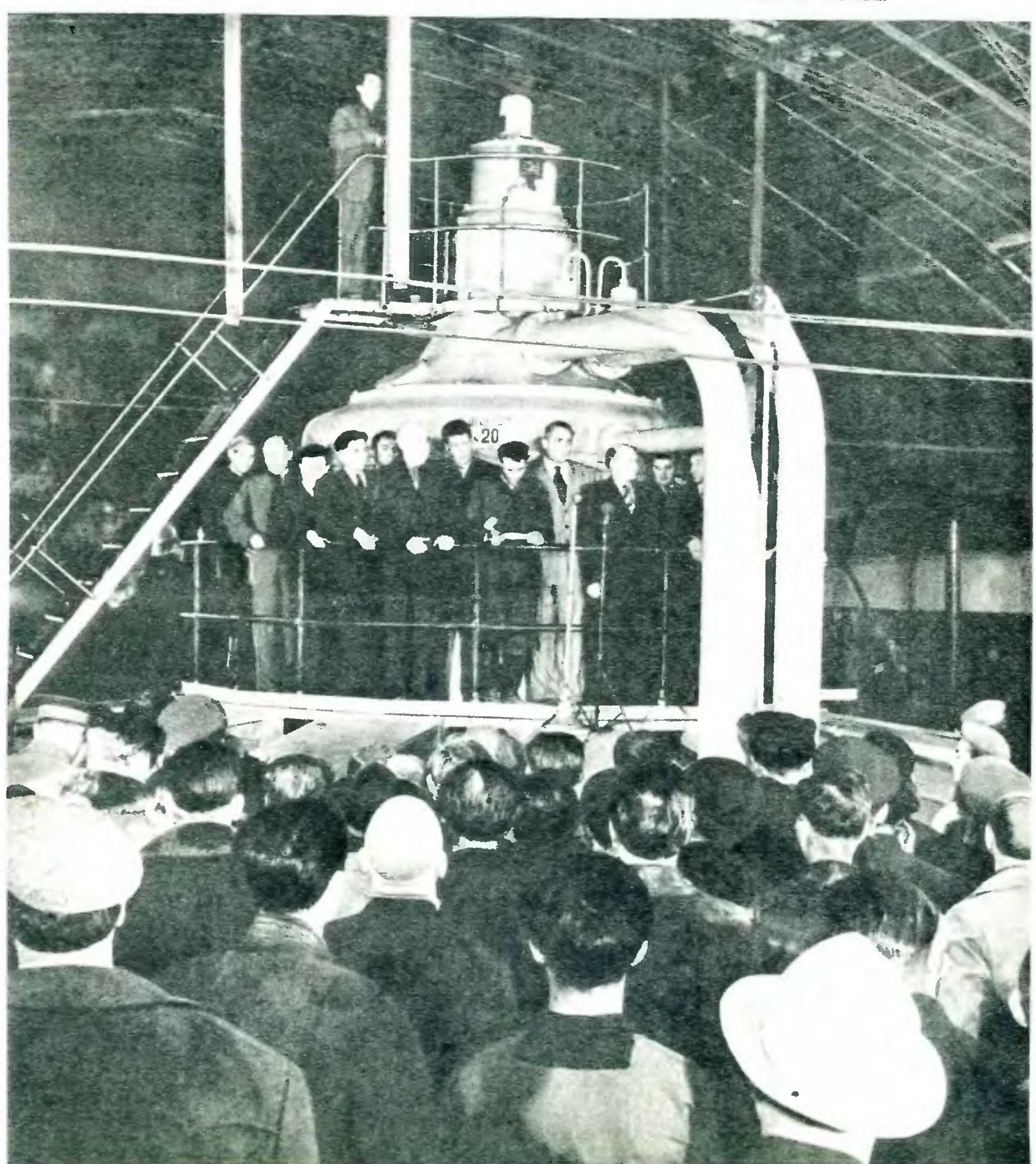




Рисунок Н. ЖУКОВА.

ИЛЬИЧ

(Страницы жизни)

Алексей МАРКОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Мы свет времен. Мы —
это правда.
У нас был отнят хлеб и кров.
За серой каменной оградой
Нам разбивали губы в кровь.

И под танцующие тени
В оглохший полуночный час,
Стремясь поставить на колени,
В дыму костров пытали нас.

В союзники призвавши бога,
Нас распинали на крестах.
Старинной прóклятой дорогой
В Сибирь брели мы в кандалах.



В застенках кровью наше дело
Мы завещали сыновьям!
Глядели мы в лицо расстрелам,
Глаз не завязывали нам.

Горячим пламенем знамена
Несли мы, не склонив голов:
**«ВСТАВАЙ, ПРОКЛЯТЬЕМ
ЗАКЛЕЙМЕННЫЙ,
ВЕСЬ МИР ГОЛОДНЫХ И РАБОВ!»**

Так мы боролись. Так мы жили,
Мужали недругам на страх,
В боях отращивали крылья.
И наша правда вся в рубцах.

Постигнув мудрость «Капитала»,
Мы начинали понимать:
Чтоб жить на свете легче стало,
Железных гроз не миновать.
Но не было того, кто смело
В сраженье мог бы повести,
Чтоб от шагов земля гудела,
Чтоб нечисть начисто смести.

И вот пришел. С орлиным
взглядом.
Повел он в бой рабочий класс
И через бури и преграды
К заветной цели вывел нас.

Летит, летит сегодня слава
Вождю просторами полей,
И голоса прочнее сплава,—
То слава партии моей.
Душа и совесть поколений,
Она всегда ведет народ,
И в дни труда и в дни сражений
Она на подвиги зовет.

Пусть воют в небо псы сердито,
Пытаясь месяц задержать,
Ведь у него своя орбита.
И повернуть ли время вспять?
Пусть, исходя слюною, лают
На нас, идущих по земле,
Мое отечество стирают
С военной карты на столе,
Мечтают, чтобы под ногами
Горели камень и трава,
Испепелилась чтоб над нами
Сияющая синева.

Бросая молнии и громы,
Уже грозят нам сорок лет.
Нам эти голоса знакомы,
И есть для них один ответ.
Идем мы, закаливши души,
Путем нелегким, но прямым.
**«ВЕСЬ МИР НАСИЛЬЯ
МЫ РАЗРУШИМ
ДО ОСНОВАНЬЯ»**,— говорим.
И как бы ни пришлось порою
Нам нелегко шагать вперед,
**«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР
ПОСТРОИМ»**,
Мир без рабов и без господ!

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

Не только в золотой оправе,
Не только в шелесте знамен,
Хочу сейчас его представить
Таким, каким был в жизни он.
Мечтаю я, чтоб этот образ
Живым почувствовал и ты:
Его шаги, дыханье, голос,
Неизгладимые черты.

Не верь бездумным
утвержденьям,
Мой друг, читатель дорогой,
Что будто бы не ведал Ленин
В пути тревоги никакой,
Не пухли от бессонниц веки
В раздумьях над твоей судьбой,
Что с высей, как мессия некий,
Народы вел он за собой!

Непроторенною дорогой
Идти — совсем не легкий труд:
Забот, ушибов — ох как много!
Глядишь — трясина там и тут,
Иль вырастут нежданно скалы,
Иль бросятся под ноги рвы.
Смотри не поскользнись,
усталый, —
Лишиться можешь головы!

...Со всех сторон полки стальные
Пошли.
И каждый норовил
За горло ухватить Россию,
Пока не накопила сил.
Дрожат у Капитала ноги:
Вдруг всюду неимущий класс
Пробудится!
И, как бульдоги,
Рванулись черчилли на нас.
Удары тяжкие ложатся,
Столбы вздымаются земли,
Чтоб не могли мы отдышаться,
Расправить плечи не могли.



В такие дни Ильич, быть может,
С самим собой наедине,
Бывал задумчив и тревожен:
Удастся ль выстоять стране!
О, ежели б за рубежами
Восстанья вспыхнули еще,—
Скорей покончили б с врагами,
Родное чувствуя плечо,
И если б силы оттянули
Друзья по-братски на себя!..
Ведь мы идем вперед сквозь
пули,



Железо кулаком дробя.
Бессонными ночами мучась,
Возможно, думал он, как знать:
Парижских коммунаров участь
Не повторится ли опять!
Но наши братья для того ли
На Пер-Лашез пролили кровь,
Чтоб завоеванную волю
Убийцы задушили вновь!!
Когда дубы грозой ломает,
Вздымается земная твердь,
Сильней стремятся к солнцу
в мае
Побеги, видевшие смерть.
Нам опыт нелегко достался,
За нами коммунаров тень!
Российским никогда версальцам
Не повторить кровавый день!

...На стенах карты, как обои,
И вспышками флажки на них.
Ильич не сводит с поля боя
Глаз воспаленных ни на миг...
По проводам летит волненье
С фронтов просторами страны:
«Мы начинаем наступленье.
Боеприпасы нам нужны!»

А где их взять! Но ты ведь
старший,
За все в ответе ты всегда!
Не то сомнет нас в злобном
марше
Белогвардейская орда.

...Вечерний сумрак в кабинете,
Тревожных телефонов ряд.
Шнуры, как нервы. Всё на свете
Волнует их. Они кричат.

Зови — и нет тебе ответа:
Одни на всей планете мы,
Как остров, Родина Советов
Средь океанской злобной тьмы.
Не жди поддержки. Утомленно
Смежает окна Совнарком.
И цокот слышен отдаленный,
Артиллерийский слышен гром.

В кольце пылающем Россия,
Над нею небосклон багров,
И угрожают силы злые
Надеждам, чаяньям веков.
Напрасно, что ли, Чернышевский
Вставал к позорному столбу,
Радищев, пламенный и дерзкий,
Не пощадил свою судьбу!
На смерть к завьюженной
Сенатской



Спешить зачем бы смельчакам,
Зачем бы на дороге вязкой
Греметь тяжелой цепью нам!
Зачем бы надо Пугачеву
Под неутешный бабий плач
Идти туда, где в кумачовой
Рубахе ждал его палач!
Зачем под пыткою на дыбе
Молчать суровым мужикам
И уходить в леса на гибель
Российским вольным спартакам!
Напрасно, что ль, в глухом
подполье
Мы кровью кашляли тогда,
Мечтая о прекрасной доле
В те беспросветные года!!
Рекою гневною по Пресне
Прошли рабочие полки,
Неся под боевые песни
С крылатым знаменем штыки.

Молвой, листовкою, газетой,
Неумолкаемо звуча,
Как луч, летело над планетой
Литое слово Ильича,

И полыхали забастовки.
Солдаты, прозревая,
зло
Бросали на фронтах винтовки,
Братание в окопах шло.



«Прочь руки от Страны Советов!»,
«Прочь от республики труда!» —
Рабочий люд сказал. И это
Мы не забудем никогда.

Слышны нам голоса поныне
И Либкнехта и Люксембург
В холодном, сумрачном Берлине,
Разбуженном «Авророй» вдруг.
Советы венгров... Не они ли,
Знамена кровью окропя,
Нам в трудный час подмогой
были,
Сражаясь насмерть у себя!

Всегда мы будем это помнить,
Навек пред павшими в долгу, —
Их обожженные ладони
На окровавленном снегу.

...Вечерний сумрак в кабинете,
Тревожных телефонов ряд.
Шнуры, как нервы. Всё на свете
Волнует их. Они кричат.

НА ЛЕСАХ

Как знойным летом о дожде,
Нуждой задавленные люди
Мечтали о своем вожде,
Мечтали, как о сущем чуде.
Он представлялся им простым,
Ученейшим среди ученых,
Хоть молодой — немолодым
И в грозных битвах закаленным.

Из рек бессчетных год за годом
Приходит к океану мощь.
Великой партией, народом
Всесилен пролетарский вождь.

...Приехал как-то на завод
На митинг приглашенный Ленин.



Рисунок Н. ЖУКОВА.

— А как вот думает народ! —
И Ленин оглядел рабочих.
— Не нужен разве нам завод!
Кто, может, высказаться хочет!

Раздался голос из толпы:
— Стальные ноги будто лучше,
Коли идти не по грибы,
А к цели, так сказать, грядущей.

Заулыбались все вокруг
В поддержку правильного слова.
Без доброй шутки, как без рук,
Особенно, когда толкова.

И вдруг Ильич серьезным стал,
И все улыбки погасили:
— Нет. Не соха. Металл! Металл!
Один металл поднять нас в силе.

Вокруг шумели голоса,
Людское море прибывало.
Ильич поднялся на леса,
Чтоб лучше всюду слышно стало.

Сел на бревно, раскрыл блокнот,
Набрасывает выступленье.
Когда б явился позже всех,
Его бы встретил гром оваций,
А так сумел он без помех
С товарищами повидаться.

Чуть показался из дверей
Кузнец в сожженной куртке
рыжей,
Ильич заметил и скорей
Зовет его к себе поближе.
— Товарищ, здравствуйте!..
Ну, вот,
И каторга не подкосила... —
Сердечно Ленин руку жмет.—
Ого, еще осталась сила!
— Да я от молота сюда!..
Могу испачкать... Осторожно...
— Ну, что же, мы не господа,
И вымыться под краном можно!
Была б чиста душа у нас! —
Ильич обрадовался встрече.
— Чем озабочены сейчас! —
Он кузнеца берет за плечи.

— Скажу, Ильич! Вот, говорят, —
Задумчиво погладил бороду,
— Коли неправда, виноват:
Завод наш продается Форду!
Что ж, с матушкой-сохой опять,
С убогою, костлявой клячей,
Как прежде, землю ковырять!..
Иль будет как-нибудь иначе!
И окружали кузнеца
Рабочие, садясь плотнее.

Предсовнаркома до конца
Дослушал. Слушать он умеет.

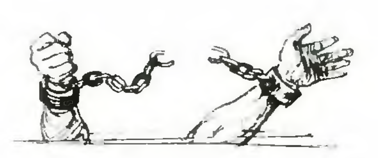
(И, может, вспомнил в этот час,
Как в детстве на деревья лазал,
У Волги сколько было раз:
Взберется на макушку вяза,
А ветви гнутся, чуть скрипя...
Под ветром вздуется рубаха...
Спуститься наземь торопя,
Бледнела часто мать от страха.)

И старики и молодежь —
Великий класс рабочий в сборе,
Готовый, только призовешь,
Невзгоды вынести и горе,
Отдать, не дрогнув, жизнь свою
Во имя лучшей в мире жизни...

Дубленый, рубленный в бою,
Насилья ярый ненавистник,
В землянках и подвалах ты
Жил, с бедами не зная слада,
Там даже свежие цветы
Клонили головы от смрада.
Ты только ноги видеть мог
На тротуаре за окошком,
Хозяйский обивал порог
Униженною, мелкой сошкой.

Решетками зачеркнут свет.
Приговоренный к ним бессрочно,
Ты с малых приучался лет
К тюремной клетке одиночной.

Суровый пролетарский класс!
Ни сундука и ни землицы,
Ни капитала про запас,
Ни журавля и ни синицы,
Ни крохи за душой твоей!
Хотя всегда во что-то верил.
Да, кроме собственных цепей,
Быть не могло другой потери!



Ты проносил сквозь жизнь мечту,
Будил детишек кандалами,
Держал обиды на счету
И братьев собирал под знамя.
«Мечи скуем мы из цепей...
И радостно вздохнут народы»,—
Пел, устрашая палачей,
В канун семнадцатого года...

Заботливо сказал кузнец:
— Ильич, охрану бы на случай...
Быть может, ждет какой подлец,
А с ней оно верней и лучше...

Но тут Ильич шагнул вперед,
И речь взорвалась, словно порох...
Куда ни глянь — народ, народ
На ящиках и на заборах...

— Соввласть не произвол:
Не то, что ты иль я
За красный сели стол:
Мол, очередь моя.
Нет, это шаг времен,
Истории закон.
Задерживать нас — вздор.
Убили одного —
Придет второй...
Террор
Не даст им ничего.
В рассвет стрелять —
Заряд терять.
Не задержать восход —
Победной правды ход.
Бежит от света мрак —
Таков уже закон.
Как ни бесился б враг,
На смерть он осужден!

...Слова глубокие, простые...
И сколько можно в них открыть!
Ильич умел сердца людские
Своею мыслью озарить.
Как голос партии, звучали
Его слова, и голос креп,
И те навеки прозревали,
Кто был, как темень ночи, слеп.

ВЫСТРЕЛ

— Выходит, с красною Россией
Расправиться не так легко...
Ведь вот: раздетые, босые,
А смотрят, черти, далеко!
И защищают то, что будет,
Хоть ничего сегодня нет.
Растут невиданные люди
И удивят когда-то свет! —
Так рассуждали те, кто вроде
На нас сочувственно глядел,
Кто не был против нас в походе,
Но нашей гибели хотел.
Упорно битва продолжалась,
И враг в ночи решил тайком,
Чтоб сердце всей России
сжалось,
Чтоб в горле встал горячий ком,
Ударить в голову России,
Пресечь высоких мыслей ток,
Что повернули жизнь впервые,
Сломав привычных дней поток.

* * *

Садится дым, в степи растаяв,
Не гаснет зарево костра.
Под черной буркою Чапаев
Уснуть не в силах до утра.
Звенят без умолку цикады,
Как будто бы сошли с ума...
А с болью в сердце нету слада,
И плечи придавила тьма.

Тьмой захлебнулся ковш
небесный.
Где блеск созвездья золотой!
Все полог скрыл тяжеловесный
Неодолимой чернотой.
Лишь из-под облачного края
Луна, как ворон, щурит глаз.
Глядит, как будто укоряя
Она. Василь Иваныч, вас.
От боли за́ полночь не спится,
И то обиднее всего,
Что не были с вождем в столице:
Вы заслонили бы его!
— Ну, как Ильич! Вы не слыхали,
Что говорят о нем врачи! —
Чапая спрашивал в печали
Боец, проснувшийся в ночи.
У всей страны болела рана:
И украинец, и казах,
Киргиз в своей кибитке рваной
Об этом думали в слезах...

* * *

Читает Крупская газету
По настоянью Ильича...
Прочла, что было жарким лето
И уродилась алыча,
Что некий зарубежный дядя
Наследство хочет передать...
— Ты мне не то читаешь, Надя!
Решила обмануть опять!
Рехнулись все газеты, что ли!
О всякой пишут чепухе!
К чему мне о балетной школе
И о сбежавшем женихе!
Где сообщенья с фронта, Надя!
Что журналисты за народ!
— Да успокойся, бога ради!
Все, значит, хорошо идет,
А то бы сообщили кратко...

Смирял он постепенно гнев.
Вздыхала Крупская украдкой,
Слезу платочком утерев.

Так каждый день оно и было
До первых радостных вестей.
Тогда она сама спешила
Все рассказать ему скорей.

...О человечности судачим!
Такой-то, дескать, целый век
В ладу со всеми жил, а значит,
Был бескорыстный человек,
Не становился на мозоли
Покойный в жизни никому,
Был всем на свете он доволен...
И память вечная ему!
А если мы каленым гневом
Из жизни выжигаем дрянь,
Сорняк корчуем из посева,
Пригревшийся, куда ни глянь,
Нам говорят: «Плохой характер,
Такому все не по душе.
Подумайте, как он бестактен!
Чуть что, он буйствует уже!
Не слишком ли крутые меры!
Не перегнул ли палку он!»
И быстро найденным примером
Его проступок подтвержден.

Раздастся голос сердобольных
«Оценщиков» добра и зла:
«Кровопролития довольно...
Кому жестокость помогла!..»
Хотя давно ль страдали сами
От хищной алчности господ,
Что, денежными став мешками,
Жестоко грабили народ.
Н..что перед такими деды!
Не знамениты предки их. —
Те были просто людоеды
Без украшений дорогих!

...Сидит с печальной Крупской
Горький,
Обвисли у него усы,
Не замечает в летних Горках
Чуть увядающей красы.
Уже слегка пожухли травы,
И паутинки, как дымок.

— Теперь я вижу: те неправы,
Кто говорил, что он жесток, —
Заокал по-нижегородски
Растерянный немного гость.



— Мы мягкотелы, а не жестки,
И в этом-то, пожалуй, гвоздь.
Уничтожай, коль не сдается
В неистовстве безумный враг.
Кто осудить посмеет солнце
За то, что разгоняет мрак!!

(Так муза пролетариата
Свою суровость обрела —
Воспела подвиги солдата,
Его великие дела.
Она звала на бой с разрухой,
Не уходила в терема,
Услышав странные для уха
Индустриальные грома́.
Любви неслыханною жаждой
Не раз ей обжигало рот,
И нашу нежность, нет,
не каждый,
Вздыхая вечерком, поймет.)

...Слетали листья с кленов алых,
Осколками зари кружась,
Коврами тихими устало
На землю мокрую ложась.
Изрядно потрудилось лето,
Нагруженное шло с полей,
Был слышен с самого рассвета
Крик уходящих журавлей.

Лежал больной Ильич в постели,
Задумчиво в окно глядел,
Где листья медленно летели.
...Казалось, отдыхал от дел,



Впервые отдыхал от боя,
Во взгляде мир и тишина.
Так с виду океан спокоен,
Но неспокойна глубина.
«Выходит, жизнь своей дорогой
И без меня идет себе...»

Сидел в гостях Дзержинский
строгий,
Товарищ верный по борьбе.

Ильич привстал, собравшись
с силой:
— Сегодня думал я опять:
Взять власть нам очень трудно
было,
Труднее будет удержать.

Но тут платок Дзержинский
вынул,
Закашлялся... Глядеть нет сил!
И, руку протянув к графину,
Ильич ему воды налил.
— Вот вам бы, дорогой мой,
нужно
Поехать срочно отдохнуть!..
Коль дорожите нашей дружбой,
Не возражайте! В добрый путь!..
На что уж я теперь болящий —
И то, пожалуй, здоровей!
Заботы нету настоящей,

Совсем не бережем людей!
...Немного оба помолчали,
Подумал каждый о своем,
И Ленин с ноткою печали
Промолвил: — Плохо мы живем!

Взамен лошадок нам бы в поле
Сто тысяч тракторов пустить,
И мы б отсталость побороли,
И веселей бы стало жить!..
Что значит каждый трактор! Это
Пойдет другой дорогой жизнь,
А значит, мы в Стране Советов
Скорей построим коммунизм!

Народ наш трудовой достоин
По-человечески пожить.
Кто вынес бы другой такое,
Кто смог бы столько положить
На неокрепнувшие плечи!
Никто на свете бы не смог!
Не мастер говорить он речи,
Зато в работе просто бог.
Он сотворил сей мир великий,
Пусть не за день и не за год,
Он — дружный и разноязыкий,
Где ступит, там земля цветет.

Подушку гость поправил.
— Низко! —
Больного ласково спросил.
Курить хотелось, и Дзержинский
Пустую трубку закусил.
Поднялся: — Ну, пора знать
совесть...
Дела не терпят... Я пойду...—
И, двери отворить готовясь,
Спросил больного на ходу:
— Да, кстати, вы слыхали, может,
Другой ведь должен был
стрелять!
— Что ж, оказался он негожим!
— Он не один подался вспять!

Сперва Козлов ходил за вами,
Вынюхивал прилежно след,
Стоял зловеще за углами,
В руке сжимая пистолет.
Он приходил на митинг каждый,
Высиживал в засадах срок,
Имел возможность не однажды...
И все же выстрелить не смог.
«Увидел, — говорит, — вблизи я
И понял — не сумею, нет.
Такого Ленина Россия
Рождает раз за тыщу лет!»

Бородка дрогнула от смеха,
Ильич вовсю захохотал:
— Мы с вами делаем успехи!..
Спасибо, хоть стрелять не стал...
Вот только он преувеличил,
Перевоспитанный Козлов,
По части моего величья.
Но это — для красивых слов!..

— Потом за вами некий Усов
Ходил, ходил и вдруг исчез,
Был далеко он не из трусов,
Как говорят, головорез.
Каплан была у них в запасе,
На крайний случай. Этой что!
Такая даст тебе согласье
Не одного убить, а сто.

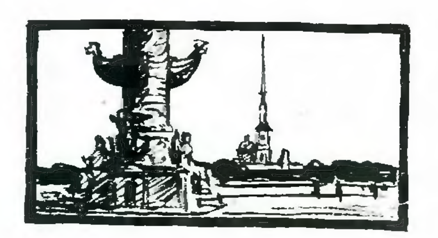
Ильич привстал, собравшись
с силой:
— Да, да, подумал я опять:
Взять власть нам очень трудно
было,
Труднее будет управлять!

В ГОРКАХ

Так бесконечен день рабочий,
Так измотаешься подчас,
Что даже вскрикиваешь ночью
Иль вовсе не смыкаешь глаз.
И как же надобно разметить
Часы, минуты наперед,
Чтоб на любой вопрос ответить,
Который время задает!
Но никогда его усталость
Заметить не могли друзья.
Неутомим он — всем казалось —
И быть бодрей его нельзя.
Одна Надежда Константиновна
Не забывала ничего,
Ведь с Ильичем
всю жизнь она
И знала лучше всех его.

. . . .

Волжанин с трепетным волненьем
Касался невских гулких плит.
«Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный
вид», —



Читал он, чуточку картавя,
Делился с нею, как с сестрой,
Своим раздумьем о державе
И чувством, что попробуй
скрой.
По-девичьи легка, красива,
Венком коса на голове,
Шла, юностью светясь счастли-
вой...
Плыл месяц следом по Неве.

...Когда ж ей написал Владимир,
Еще не перейдя на «ты»:
«Ночами снежными, глухими
Метет, метет из черноты,
А я сижу и вспоминаю
Большое небо над Невой...
Надюшенька, прошу, родная,
Приехать, стать моей женой!» —
Она без лишних разговоров
Сложила вещи — и к нему
Через сибирские просторы,
Непостижимые уму.

...Сегодня праздник —
воскресенье,
И как-то радостно окрест.
Решили Крупская и Ленин
Уйти пораньше в дальний лес.
Договорились: чур, ни слова
Ни о каких больших делах,
А с нарушителя сурово
Брать соответствующий штраф,
Чтоб отдохнуть от дел немного,
Без споров обойтись в пути.
Но было все-таки итогом:
«За нарушенье штраф плати!»
Апрель прекрасен
в Подмосковье.
Раскрывшись, белые цветы
Сияют первою любовью
Необычайной чистоты.
А под сугробами в оврагах
Гремит весенняя вода.
Пылает солнце-работяга,
Стирая лужи без следа.



И тяжелеют — в почках — ивы,
Как будто сел пчелиный рой.
Стоит ребенком мир счастливый,
Весенней изумлен порой.
Вот-вот зеленым светом брызнут
Настороженные поля
И соловьи за речкой свистнут,
Весну могучую суля.

Из-под руки на солнце глядя,
Ильич сощурился на свет:
— Как хорошо весною, Надя,
Поры живительнее нет!
И не сыскать такой природы
Нигде, пожалуй, как у нас.
Поездили за эти годы!
Я вижу Капри, как сейчас...



Во мгле швейцарские долины...
И мы по ним идем с тобой.
Но что вот с этою картиной
Сравниться может!.. Боже мой!
Цветут подснежники какие!
Гляди: белым-бело вокруг.
И так теперь по всей России!
Когда б на то хватило рук,
Весь мир от края и до края
Хотел бы я сейчас обнять...

Как хорошо!.. Моя родная,
Прими-ка эту благодать! —
И с головы до ног осыпал
Ее охапкою цветов.

Вот здесь росла большая липа
И желтый цвет роняла в ров,
За нею белые колонны
Как бы держали небосклон.
Здесь дом стоял светлооконный.
Теперь не вижу...
Где же он!
Его снесли до основанья,
Торчат лишь трубы от печей.
Другое смастерили зданье
Из уцелевших кирпичей!
Для кур годится — и не боле...
Товарищи! Ведь этот дом,
Задуманный по барской воле,
Построен трудовым горбом!
Его воздвигли крепостные
С одной заветною мечтой:
Что не хозяина —
Россию
Обогащают красотой!
Нет, это никуда не гоже!
Как пригодился бы сейчас
Тот дом для детворы с Поволжья,
Что беспризорная у нас!
Да как же так, друзья, выходит!
Руби леса, топчи траву:
Не у меня, мол, в огороде,
Не я привольно тут живу!!

И, не тоскуя, не жалея,
Колонны барские кроши,
Рабочей чуждые идее, —
Уж больно видом хороши!

Не сразу вспомнивши условья,
Сказала Крупская ему:
— Вы, сударь, портите здоровье,
Штраф заплатите потому!..

...Быть нужно солнцу очень
сильным,
Чтоб льды седые растопить,
В поток их превращая мыльный,
Со всей земли отбросы смыть.

Ручей заботливо и важно
Стремился по тропе с холма,
Смывая банки, хлам бумажный —
Все то, что прятала зима.

Вдруг залихватские частушки
Игривым теплым ветерком
С далекой донесло опушки,
Их пели девушки втроем:

«Я любила и ласкала
Сахарного Ванечку,
Но ему пора настала
Целовать товарочку!

Не ревную, не тоскую:
В том не вижу толка.
Я другого сарендую,
Мне совсем недолго!»

И сразу как-то помрачнела
Надежда Крупская:
— Так-так,
Решаете излишне смело,
Как будет выглядеть наш брак!
Вы не задумывались, правда!
Любовь для вас — стакан воды.
Сегодня здесь попил, а завтра —
Из рук других: в том нет беды.

Но тут сказал шутливо Ленин:
— За мысли тоже платят штраф!
Расстроило, как видно, пенье!
Любовь на свалку, значит,
в прах! —
Он улыбнулся грустно:
— Кстати,
Идем, Надюшенька, домой.
Мы нынче загулялись. Хватит!
Скучает стол рабочий мой!

А сам задумался: «Не часто
О том приходится судить...
Моральный кодекс государства
Семью обязан оградить!»

...В лесу вилась дорожка змейкой,
И тихо было, как всегда,
Вокруг березой пахло клейкой,
Шумела вешняя вода.

Под прошлогоднею листвою
Шуршали юные ростки,
Как будто бы в часы прибоя
Шуршали галька и пески.



Земля, подобно человеку,
Вздыхает, полнится весной,
Она сильна, красна извека
Своею мудростью земной.

НАСЛЕДСТВО

Любил Ильич с самим собою
Порой побыть средь тишины
И поразмыслить над судьбою
Войной израненной страны.
Стоит в осеннем поле Ленин.
В низинах стелется туман,
Залетный ветерок весенний
Качает высохший бурьян.

По грязи тащатся сторонкой
Крестьянин и ослепший конь.
Из конопли в узлах постромка,
Потертая висит супонь.



Вот и попробуй форд железный
На этой кляче обгони!
Пророчат нам друзья «любезно»,
Что жить нам считанные дни.

Ты от соседних стран отстала,
Страна моя, на сотни лет.
Нужны нам кони из металла,
Но где они! У нас их нет.
Давно ль успела превратиться
Ты в край свободы из тюрьмы!

...Или догоним заграницу,
Иль, не догнав, погибнем мы...
Но власть не для того мы брали,
Чтобы теперь подмяли нас...
Еще услышат об Урале,
И скажет о себе Донбасс!..

Спасибо молвим поколенью,
Что будет твердым до конца,
В неравном выстоит сраженье,
Сквозь пламя пронесет сердца,
Седея незаметно в тридцать,
Все отдавая для других,
Для тех, кому еще родиться,
Наград не требуя от них.

Богат наш край! Так в чем
же дело!
Под силу всех обуть, одеть,
Здесь уголь черный, уголь белый...
Куда ни ткнешь, то нефть,
то медь.

Но исстари нища Россия,
И ни кола, и ни двора,
До унижения «простые»,
Мы прозябаем средь добра.

И только, словно сахар мухи,
Дельцы поживу здесь нашли,
Узнавши, по крылатым слухам,
Что нет доходнее земли.

И наши копи, наши воды,
Траву, леса — под небеса! —
Всё прибирали год от года,
Смотрели нагло нам в глаза.

И стало на Руси законом
С тех незапамятных времен
Читать нам вывески «Торнтонов»
Иль старой фирмы
«Михельсон»...

Да что там! Из пшеницы русской
Простая булка, а зовут
Ее не как-нибудь — французской!
Не наш приоритет и тут!

Ильич задумался... И в мыслях
Пшеничный золотой разлив.
И радуга, как коромысло,
Чтоб унести богатство нив.
Над полем грозы отшумели,
Ручьями пали на траву.
Над головою засвистели
Стрижи, разрезав синеву.
А по дорогам, пыль взметая,
Автомашины мчат и мчат —
Летит пшеница золотая
Да песня дружная девчат.

А наяву на придорожном,
На покосившемся столбе
Виденьем страшным и тревожным
Навстречу бросится тебе
Седой плакат с изображеньем
Голодной матери. Она
Рук умоляющим движеньем
Кричит, что бедствует страна.

...Стоит Ильич и видит:
в селах
Вдруг вспыхивают огоньки.
Они толпой бегут веселой
От взмыленной в труде реки.
Плотиной накрепко зажата,
Она работает на нас.
Мерцают звезды виновато,
Бледнее ставши в первый раз.

Но только в мыслях видишь это.
Турбин не слышно на реке...
Мигают чуть заметным светом
Одни коптилки вдалеке.

Ложатся близкой ночи тени.
С котомкой, стертою вконец,
Идет старик. Навстречу Ленин:
— Пути вам доброго, отец!
— Спасибо, человек хороший!
— Шагаете далече вы!
И, рад тому, что с лаской
спрошен,
Нарвал он высохшей травы
У залитой водой обочины
И для обоих постелил.
— Был на строительстве
рабочим я...
Теперь стал слабнуть... Нету сил...

Взвалил я ношу, но вот что-то,
Сам чувствую, оборвалóсь.
На том и кончилась работа:
Сломалась у телеги ось.
Не тот, кем был, — остались
мощи...
Теперь в село свое бреду.
Оно, сажать капусту, проще.
Не годен к прежнему труду!..

Землистые, худые руки,
Как бы сплетенные из жил,
Чтобы прикрыть дыру
на брюках,
Он на колени положил.

— Вы что же, каменщиком
были! —
Спросил участливо Ильич.
— Да нет, мы на леса носили
Раствор для кладки и кирпич.
— Понятно... Так...
Чернорабочий!
— Ну кем еще я мог бы стать!
— Года пройдут, и, между
прочим,
Подобных слов не будут знать.
— А как же черная работа!

Ее тогда не будет! Жаль!
Ведь надо заработать что-то...

Вгляделся собеседник в даль:
— Не люди будут, а машины
Чернорабочими у нас.
И человеческие спины
Не станут гнуться, как сейчас.

Вздохнув, чуть улыбнулся
встречный
И так, из вежливости лишь,
Похлопал по плечу сердечно:
— Спасибо, складно говоришь!

Худой мешок на спину вскинул:
— Деревня наша вон, гляди,
В окошке вспыхнула лучина.
Придется — в гости заходи!

Возможно, никогда уж Ленин
Не встретится со стариком,
Но эти руки на коленях
Их не забудешь и потом.
Ведь за одной такой судьбою
Ильич увидеть судьбы мог,
Что обездоленной толпою
Брели распутицей дорог.

...Вечерней почтой стол завален,
Поговорить с вождем хоть так!
«Мы вам не сразу написали!..
Конечно, наш вопрос — пустяк,
Но согласитесь: невозможно
Нам обойтись без топора.
Ну так их делают безбожно!
Пора бы совесть знать, пора!
Не дуб столетний, а березу
Разрубишь — глядь, топор щербат.
А пилы, пилы! Прямо слезы!
Зубцы крошатся и летят!»

Под осторожным анонимом
Скрывался дерзкий крик души:
«Нет, это прямо нестерпимо,
Ну что за дрянь карандаши!»

Интеллигентный почерк четкий:
«Уведомить я должен вас:
Советской знаменитой щеткой
Я чистил зубы только раз.
Потом ходил, плевал щетиной.
Нет, щетки все-таки не то!
Хорошая у нас свинина,
А щетки лучше из Бордо!»

Захохотал Ильич по-детски,
Раскрыв для записи блокнот:
— Претензии довольно вески,
Когда щетины полон рот.

— Забавных, видно, писем
много! —
Вошедши, секретарь сказал.
Насупил Ленин брови строго,
И стали колкими глаза.
Потом пошел по кабинету:
— Честь надо смолоду беречь.
Не дать упасть авторитету. —
Коснулся секретарских плеч.
— Ведь как простые люди судят!
Негодную купили вещь, —
Ну, что ж, истерики не будет,
С трибуны не закатят речь;
Всего-то будет разговора:
«Кто это выпустил! Соввласть!»
И без особых приговоров
Над нами посмеются всласть:
Мол, коммунизма захотели,
Не сделав даже топора.
Заветной не достигнешь цели,
Коль ехать на одном «ура».



Рисунок Н. ЖУКОВА.

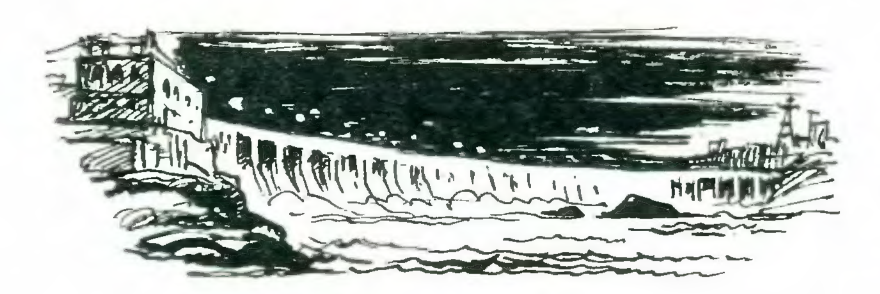
Но вот уже сосредоточен
Ильич, как видно, на другом,
Склонился над столом рабочим,
Над картой, где флажки кругом,
Стрелой железной пробежала
Дорога через темный лес.
И видятся огни Урала,
И шум доносит Днепрогэс.

ГОСТЬ ИЗ АНГЛИИ

Пункт назначенья — город
Лондон.
Корабль на курс обратный лег.
Не видно стало горизонта:
Туман молочный заволок.



На палубе Уэллс угрюмый
На дали смотрит из-под век...
О чем сейчас, узнать бы, думал
Известный миру человек!



Глядел он в сторону Советов,
Лежащих в предрассветной мгле.
Там перестроить всю планету
Мечтает человек в Кремле.
Уже он у себя в России
Неравенства законы смел,
Чтоб все голодные, босые
Садились равными за стол,
И чтоб в умах стереть понятья
«Рабы» и «господа́» навек,
И чтоб извечное проклятье —
Насилье — сбросил человек.
Пословицы пускай без дела
Останутся, что знал народ:
«Своя рубашка ближе к телу»,
«Свой в темноте отыщешь рот».

Россия корчится от боли,
Все беды на нее легли,
Не стало в недрах даже соли,
Кровь выступает из земли!
И окна кое-где забили,
И мраком веет из квартир,
А он твердит об изобилье,
Которого не видел мир.

Молчат на фабриках моторы,
А он мечтает все о том,
Что запоют турбины скоро,
Проникнув солнцем в каждый
дом.

Раздета армия, разута,
Подковы не найти коню.
Откуда он возьмет, откуда
Для армии своей броню!!

Да, жаждет мир наш обновленья!
Мир — пораженный организм,
У молодого поколенья
Испорчены и кровь и жизнь.
Но обречен наш мир на муки.
И не придет спасенье вдруг
Ни от возвышенной науки,
Ни от вождей, мой умный друг!

Я был когда-то фантазером,
Я жил стремлением одним,
Я думал: можно будет скоро
Увидеть мир совсем иным.
Прослыл я скептиком на свете,
Не удививши никого.
Европа не одно столетье
В плену недуга своего.
Европа — ярмарка людская.
Чего на этом рынке нет!
Здесь душу вытрясут, лаская
Фальшивой радугой монет.
Продастся совесть дипломата —
И хлынет мостовыми кровь.
Пойдут «за родину» солдаты,
Обманутые вновь и вновь.
И снова горестные вдовы
Застынут молча у окна,
У погорельцев нету крова,
И в реках слез не видно дна.

Где совесть светлая ученых,
Что призвана светить в ночи,
К людским прислушиваться
стонам!
Молчит она, хоть закричи!

Европа, милая Европа,
Ты безутешна и больна,
И среди рыночного скопа
Могу купить я имена,
И благосклонные улыбки,
И девичий цветущий рот,
И настроенье чуткой скрипки,
И мысли трепетный полет.
Бога — нету. Черта — нету.
Я могу тебя убить,
Мрак назвать сияньем света.
Просишь пить! Не дам я пить!
Беззаконие законом
Объявлю и буду прав.
И пройду, чужие стоны
Равнодушием поправ.

Нет, я это не сумею.
Светят звезды в вышине, —
Ставши совестью моею,
Запрещают подлость мне.
То не звезды — чьи-то взгляды,
Совесть древняя моя,
Что всегда со мною рядом,
Где б ни находился я.

...Ушел я прочь с планеты этой
В иные, дальние миры,
Где мрак не называют светом,
Не точат втайне топоры.
В мечтах прибежище я создал,
Какого на земле хотел.
Унесся в космос, к тихим
звездам,
Чтоб отдохнуть от бренных дел.

Кремлевский пламенный
мечтатель!
Когда бы силою своей,
Жизнь до последних дней
истратив,
Сумел бы мир пустых страстей
Оздоровить хотя б немного,
Чтоб юность обрела земля,
Тебе б я поклонился в ноги,
Фантаст великий из Кремля!

Уэллса капитан заметил:
Не спит... На палубе чуть свет...
— Подул с востока свежий ветер!
Прошу, накиньте, мистер, плед!



Окончание следует.

ТРИ ВСТРЕЧИ С ГРИВЕННИКОМ

Л. НИКУЛИН

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.



На берегу залива, в сосновом лесу, стоял дом отдыха металлистов. Каждый день по крутой тропинке медленно спускался к морю еще не старый на вид человек. Остановившись на влажном песке, он долго смотрел, как издали катилась длинная тяжелая волна, разбивалась и растекалась по песку. Был конец октября, море было уже не нежно-голубого, а стального цвета, дул ветер, порывистый и сырой. Но человек не уходил. Когда же до него долетал звон колокола, возвещающий час обеда, человек наклонялся и, зачерпнув пригоршню морской воды, мочил лицо, седые виски, проводил по губам мокрой рукой, чувствуя на губах соль. Потом поднимался в гору, временами останавливаясь и окидывая взглядом пустынный горизонт.

По случаю осени дом отдыха заметно опустел, рано темнело, и немногие отдыхающие собирались на террасе, долго не смолкали беседы: каждый рассказывал о своих горестях и радостях. Один только старый человек был неразговорчив. Старым его считали потому, что в опросном листке было написано: «Год рождения 1889» — и в графе «Служили ли в старой армии?», ответ: «Да. Матрос первой статьи». Еще знали об этом человеке, что зовут его Ермощенко, Иван Григорьевич, что он пенсионер и пишет какой-то технический труд. В разговорах старик не участвовал, но не уходил, стоял лицом к морю, смотрел в ту сторону, где вспыхивала и угасала оранжевая точка маяка. Погасшая трубка торчала у него в зубах, он стоял, слушал и думал бог весть о чем. Отвечал на вопросы коротко, неохотно и прослыл в доме отдыха нелюдимым.

И вот что удивило отдыхающих: именно к этому человеку приехали двое военных — моряки, один даже в высоких чинах. Почтительно откозыряв и отрекомендовавшись, старший по званию сказал:

— Во-первых, рад познакомиться с вами, Иван Григорьевич. Приятно было прочитать в здешней газете, что вы отдыхаете поблизости от нашей базы. Во-вторых, у нас к вам просьба: мы просим вас приехать на наш крейсер по случаю праздника и присутствовать на торжественном заседании. — Немного помедлив, добавил: — Конечно, вы не откажетесь поделиться с матросами и офицерами воспоминаниями о вашей богатой жизни.

Иван Григорьевич вынул изо рта трубку:

— Спасибо за приглашение, но, извините, публично выступать не умею. Да и что я могу рассказать? От морского дела я отстал, с двадцать второго года я на берегу, занимаюсь металлургией... И что я могу рассказать морякам? Так, мелочи...

— Это уж позвольте нам судить... Имя ваше встречается в документах семнадцатого года, Центробалта. Не скромничайте.

— Да, были люди... иных уж нет, как сказано в стихах... Октябрь—такая дата... Ничего не поделаешь, отказаться нельзя.

Неделю спустя после этого разговора Иван Григорьевич Ермощенко вышел из автобуса на площади приморского города и прямо из гостиницы отправился в порт. Все было здесь ему знакомо. Он остановился на площади: когда-то здесь был плац для воинских учений, а теперь здесь же маршировали, готовясь к параду, моряки. Шли они чуть небрежным шагом, как бы показывая, что, собственно, маршировать не их дело, но раз приказано, то извольте, однако ж мы все-таки не пехота.

Иван Григорьевич смотрел и думал, что если бы он родился лет на сорок с лишком позже, может быть, и он шел бы сейчас легким шагом под марш, не зная, что такое астма, эмфизема и прочие мерзости.

Он пересек площадь, миновал переброшенный через канал мостик и вышел на набережную. Открылась знакомая картина: суетились в гавани юркие катера, грузные баркасы огибали волнорез, и вдали, в море, похожие на обломки скал, виднелись громадные линейные корабли.

Иван Григорьевич сел на скамью и долго сидел в раздумье; все-таки на душе было неспокойно, он часто поглядывал на часы и в сумерках отправился в гостиницу. Времени было достаточно, он успел переодеться в черный выходной костюм, достал записную книжку, попробовал набросать что-то вроде тезисов, затем вздохнул и, покачав головой, спрятал книжку. Наконец раздался стук в дверь, за Иваном Григорьевичем приехали, и спустя немного времени он уже сидел в крошечной каютке катера и невесело смотрел в свинцовые воды бухты, где отражались желтые, зеленые, красные огни, а далеко за мысом светились огненным пунктиром очертания иллюминованных кораблей. Катер подошел к трапу, и только Иван Григорьевич ступил на трап, как почувствовал в себе гораздо больше сил, а на палубу вступил совсем легкой походкой, почти как бывало в молодые годы.

— Крейсер, если разрешите, осмотрим после заседания, — сказал Ивану Григорьевичу приглашавший его офицер.

Крейсер был так громаден, что вахтенный, стоявший на корме, казался издали совсем маленьким, точно лилипут.

Слегка покачивало. Облака вдруг озарились розоватым светом от огней иллюминации, но далеко на горизонте сверкнула, точно серебряная чешуя, зыбь, отражающая луну. Отсюда, с палубы крейсера, берег, город и озаренный огнями порт были особенно красивы — не хотелось уходить. Однако вот он уже сидит в президиуме торжественного собрания и видит тысячи обращенных к нему лиц, и кажется ему, что все, кто сидит там, смотрят на него одного. Вероятно, так оно и было, потому что очень уж выделялся седоголовый человек в штатском среди офицеров в парадных мундирах.

Пока шел доклад, Иван Григорьевич думал, что все ближе тяжелые минуты, когда он займет место докладчика. Время летело быстро, и он не успел опомниться, как назвали его имя и добавили к этому имени все, что в таких случаях положено: «старейший», «ветеран»,— все, что всегда смущало Ивана Григорьевича.

Поэтому он довольно долго молчал на трибуне, и председатель собрания, как показалось, с тревогой посмотрел в его сторону.

Наконец Иван Григорьевич развел руками и, вздохнув, начал так:

— Хотелось бы сказать многое, думаешь, перебираешь в памяти, и все кажется неглавным... Ну, начну с «Андрея Первозванного», был такой линкор, по тогдашним временам хороший корабль. Надо сказать, что мне в известном смысле повезло: у нас на «Первозванном» и командир и офицеры подобрались либералы, не то, что, скажем, на «Павле Пер-



вом», где были такие драконы, что не приведи господи. Известно, чем это кончилось. На «Павле» мало кто из офицеров остался в живых, а на «Первозванном» мы своих офицеров сберегли, и не только сберегли, а были среди них и такие, кто всю гражданскую войну прошел, кое-кому я сам дал рекомендацию в партию... Это я говорю к тому, что даже в то горячее время мы разбирались в людях. Я вот о чем хотел сказать,— вытирая платком лоб, продолжал Иван Григорьевич,— о том, как в нас, темных, часто неграмотных парнях, пробуждалось сознание, вот что важно. Тут, надо вам сказать, помогали нам эти самые «драконы», с которыми учинена была в Октябре справедливая расправа. За людей они нас не считали, это надо понимать; будь ты деревенский парень или из рыбаков-поморов — все равно: как надел бескозырку, ты уже для них не человек. Это я смекнул еще на берегу, в гвардейском полуэкипаже, да и в Кронштадте, когда спускали с «Первозванного» на берег. Вот что было основой нашей политграмоты, и на второй год службы я стал кое-что соображать, когда находил за обшлагом листовку на папиросной бумаге — прокламацию, читал и передавал другим верным товарищам, как было сказано в листовке. На третий год службы я стал уже помогать кое в чем организации. Но первой причиной, почему я затаил в сердце обиду, почему стал думать, что не все на земле по-хорошему, был такой случай. Старики наши, флотские, мне говорили: «Бойся коменданта крепости зверя Вирена, а еще больше бойся его флаг-офицера, кличка ему «Гривенник». Удивился я тогда, почему у него такая кличка; сначала подумал, потому, что фамилия его была фон Гревениц: он был из мекленбургских баронов, они еще при Екатерине переселились на русские хлеба. Но не только потому мичману дали такую кличку, а потому, что весь он был светленький, беленький, волосики, как лен, весь блестит, светится и не ходит, а катится, ровно серебряный гривенник. Наружность прямо ангельская, а такой был стервец, что даже «драконы» удивлялись.

И вот (в воскресенье это было) спустили меня на берег, иду я, все на мне как полагается, не придерешься, иду по мостовой — по тротуару нам не дозволено, — топаю, вдруг сзади голосок:

«Поди-ка сюда, матросик...»

Оглянулся: он, Гривенник. Смотрит, задрав голову, прочел: «Первозванный» — и губы облизал.

«Первозванный»,— говорит и чуть скривил губы, точно пакость проглотил. И начинает: «Ты такой-сякой, туды-растуды, как отдаешь честь, кто у нас царь-государь, кто твой прямой начальник, я из тебя «первозванный» дух вышибу, десять суток! Пшел! Стой! Пшел!»

Так он гонял меня, гонял, я весь взмок. Пришел на корабль, рассказываю, а мне и говорят: это Гривенник... Конечно, не один этот случай причиной, но постепенно я просветился. Кстати, в Октябре семнадцатого года не я один — многие искали, куда этот Гривенник закатился,— не нашли. Говорили, получил лейтенанта и назначили его куда-то, чуть не за границу в помощь морскому атташе. Однако он не пропал.

Иван Григорьевич вдруг остановился, поглядел на своих слушателей, понял, что его слушают и готовы слушать дальше, продолжал:

— В девятнадцатом году тяжко было на Балтике. На рейде лежал на боку подорванный английской подводной лодкой крейсер «Память Азова». Предатель Неклюдов поднял мятеж на форту Красная Горка, изменники били по Кронштадту, снаряды падали на Якорной площади. Три наших эсминца были потоплены английскими подводными лодками, — это тоже стоит помнить, товарищи, — эсминцы «Гавриил», «Константин» и «Свобода». Видел я своими глазами: идет ко дну эсминец, вода топки заливает, а матросы стоят на палубе и поют: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...» Видел я это, а минут через пять сам был в море, держался с товарищем за спасательный круг, и так было до самого рассвета. А когда рассвело, товарища моего уже не было рядом. И ясно стало, что недолго мне осталось жить на свете: руки цепенеют, ноги свело, часов четырнадцать, если не больше, меня носило по волнам. Я уже не в себе был, когда вдруг вижу: из воды поднимается подводная лодка, качается на волнах, открывается люк, и выходят англичане. А мне кажется, это бред, ничего этого на самом деле нет... Между тем это был не бред, не видение, и слышу я, говорят они между собой, на меня показывают, а что говорят, я не понимаю, я тогда языка их еще не знал. Только показалось мне, что идет спор: молоденький такой офицерик на меня показывает, надо, мол, подобрать, а другой мотает головой и отмахивается. Не помню, что было дальше, только очнулся я, точно в гробу, в стальном ящике. Пол дрожит, значит, я в море, значит, меня все-таки подобрали господа англичане. Так в этом ящике я пробыл не знаю, сколько времени. Кормили меня овсянкой, водил до ветру матрос с пистолетом, потом как-то спросонок слышу: топот, шум, голоса. Выводят меня на свежий воздух, и стало ясно, что привезли меня на базу подводных лодок. Вели меня по пирсу двое штатских, должно быть, из полиции, посадили в машину с решетчатым окошком, везли часа три, потом вывели. Тут даже малый ребенок бы понял, что привезли в тюрьму.

В этой самой тюрьме я просидел пять месяцев в одиночке. Водили меня по воскресеньям в церковь. Методистский пастор читает молитвы или проповедь, а я сижу один, как бы в ложе, тоже за решеточкой. Надо вам сказать, что за все это время я редко живых людей видел, не считая тюремщиков, и в церковь ходил с охотой, все ж таки вроде как театр. Даже молитвы кое-какие запомнил — это было начало моих уроков английского языка. Что до тюремной стражи, то они на меня глядели, и головами качали, и говорили, с эдаким укором «бо́лшевик», и даже вздыхали: мол, бывают же такие на свете! Пошел пятый месяц моего заключения, как вдруг повели меня на допрос и привели в тюремную контору. Вижу, сидит за столом лейтенант в морской нашей форме, а рядом с ним англичанин штатский. Офицер смотрит на меня и начинает меня честить: что, мол, хам, стерва, попался, стоило, мол, тебя, большевика, из воды тащить. Вот теперь возись с тобой, таким-сяким...

Смотрю я на него и думаю: где я эту плюгавую рожу видел? Ведь видел же, слово даю, видел... И вдруг вспомнилось. Так это ж фон-барон Гревениц, Гривенник собственной персоной,— вот где отыскался проклятый дракон! Тут я ему и сказал: «Жалко, говорю, очень жалко»... «Чего ж тебе жалко?» — спрашивает. «А того мне жалко, что, поганая твоя морда, не попался ты мне в руки в Кронштадте, вот когда б я с тобой поговорил, а теперь какие у меня с тобой могут быть разговоры?» Он зашипел и через стол мне в зубы кулачишко тычет, а англичанин — штатский — ему что-то сказал, он тогда спрашивает: «Желаешь в Совдепию или хочешь здесь оставаться?» Отвечаю: «Какой может быть разговор, в тюрьме-то меня и держат за то, что я стоял и буду стоять за Советскую власть». Ну и, надо сказать, добавил ему от себя еще два слова, даже три... Он заскрипел зубами и сказал: «Черт с тобой, тут нашлись у тебя защитники, обменяют тебя на одного господина, хоть ты и не стоишь его ногтя!» Опять я в долгу не остался, сказал ему, что́ я про него и таких, как он, думаю, а когда уводили, то и еще сказал: «Сдается мне, что это не последний наш разговор. Первый раз ты меня честил в Кронштадте, на Якорной площади, ни за что придрался, дракон проклятый, и не мог я тебе ответить: не то было время. Хорошо, что во второй раз я все же с тобой отвел душу. Но бог даст мне еще тебя в третий раз встретить, тогда уж не взыщи, ваше высокоблагородие»...

И, можете себе представить, я как в воду глядел!..

Обменяли меня на какого-то мистера, еще кое-кого из наших пленных тогда обменяли, и в двадцатом году я был уже в Петрограде, а в двадцать первом — в Аму-Дарьинской (тогда называлась она Чарджуйской) военной флотилии. Ну, это все не имеет прямого отношения к делу... Самое главное, как мы с бароном встретились в третий и последний раз...

Он протянул руку и отпил глоток из стакана, и была такая тишина, что слышно было, как стукнуло донышко стакана о доску.

— Вот как это было.

После войны, в тысяча девятьсот сорок седьмом, послали меня в Германию на один завод; я уже в то время был гражданский и был начальником цеха на знаменитом уральском заводе, кузнечного, кстати, цеха... Приехал я в сильно разбитый город, пришел к нашему начальству, объяснил цель моей командировки, а наш подполковник меня спрашивает:

«Вы язык знаете?» (Немецкий, значит.)

«По-английски понимаю, читаю даже, а немецкий — нет».

«Тогда идите в комнату восемь, попросите, чтобы вам помогли в смысле языка».

Пошел я в комнату восемь, оттуда послали меня в комнату одиннадцать, и вот вхожу я, вижу: копается в бумажках какой-то лысый, в очках, протирает очки и спрашивает по-русски:

«Вам чего? Ах, да, мне звонили. Это вам нужен переводчик? Ну что ж, пойду вам навстречу. Я и есть переводчик».

Смотрю: что такое! И он на меня смотрит.

«Ну,— говорю,— гора с горой не сходится, а человек с человеком сходятся... Здравствуйте, барон фон Гревениц...»

Он покачнулся, сел в кресло и говорит:

«А я вас не знаю».

«Однако же мы встречались»,— говорю и думаю: «Нет уж, ты не гривенник, а тертый ломаный грош, в скольких же ты руках побывал!».

«Где же это мы встречались?» — говорит он, а у самого челюсть отвисла.

«Встречались мы с вами на Якорной в Кронштадте в тысяча девятьсот тринадцатом и в городе Лондоне, в тюремной конторе встречались, и вот нынче опять встретились...»

И вижу я: откидывается он на спинку кресла, заводит глаза и ползет на пол. Я встаю, подхожу к нему, поднимаю, пробую посадить на стул, ползет вниз... Что такое? Открываю дверь, зову людей, поднимают его, кладут на диван, зовут доктора. Тот говорит: разрыв сердца. Крышка!

И, знаете, я даже обрадовался. Не пришлось мне с ним посчитаться: такой на него, видимо, напал страх, что он тут же при моем виде отдал богу душу. Вот, собственно, вся история. Может быть, товарищи, это мелочь, ну что там какой-то барон и я, бывший матрос первой статьи, и три наши встречи, но ведь такое могло быть только потому, что победила наша правда, наша великая революция. Мне шестьдесят восьмой год, а я вижу вас и верю, что, может быть, и я доживу до счастья человеческого, до того, когда мир и счастье будут на земле от края ее и до края.

Старый человек сошел с трибуны и с некоторым удивлением смотрел, как тысяча сильных молодых рук оглушительно рукоплескала его последним словам и тысячи глаз смотрели на него с любовью и благодарностью.



В приемном пункте Эйзенаха.

А. СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.



Город точно сошел с иллюстраций к сказкам братьев Гримм. От центральной площади в разные стороны разбежались узенькие мощеные улочки. В небо, словно пытаясь сравняться высотой с соседними горами, тянут свои шпили кирхи. Дома островерхие, с красными черепичными крышами, со стрельчатыми окнами, с прилепившимися к углам башенками, с каменной резьбой над входами — каждый на свой лад, каждый не похож на соседний.



Дежурный Иоган Нодлер.

Но вот ранним утром Эйзенах просыпается и, не теряя очарования старины, наполняется шумом современной жизни. Проносятся по улицам изящные, легкие автомобили — их выпускает автомобильный завод Эйзенаха. Выходят на линии двухвагонные троллейбусы. Весело крутя педалями велосипеда, мчится почтальон. Две девушки торопливо пробежали мимо и исчезли за застекленной дверью, над которой вывеска с двумя большими буквами: «ХО» — государственного магазина. А вот этот прохожий — рабочий: только у рабочих бывают такие крепкие, большие, ухватистые руки. Идут по улицам Эйзенаха простые, обыкновенные люди, граждане Германской Демократической Республики. И в глазах у них спокойная уверенность.

И вдруг навстречу — необычная пара. Он — худенький, маленький, с острым лицом, одет в потертый пиджак. Она — чуть выше своего спутника, полная, на круглом красном лице, уже тронутом морщинами, маленький нос. Но главное — их глаза. Оба смотрят вокруг с каким-то странным выражением: в нем печаль и, пожалуй, удивление. Хочется остановить их и спросить: «Почему вы смотрите так? Откуда вы?»

Откуда?..

Эйзенах расположен в Тюрингии. Живописную Тюрингию называют «зеленым сердцем Германии». А рядом с «зеленым сердцем» проходит граница, разделившая один народ, одну страну на два государства. Эти государства идут по разным историческим дорогам. Очень нередко там, на западе, людям становится невтерпеж. Они переходят границу, чтобы строить жизнь наново в Германской Демократической Республике. Для этих людей в ГДР устроено на границе несколько приемных пунктов. Один из них находится в Эйзенахе.

Там можно увидеть у многих такое выражение глаз, как у супружеской пары на улице Эйзенаха.

«Ауфнамехайм»

Дорога идет некоторое время вдоль железнодорожного полотна, потом сворачивает, пересекая пригородные пустыри и огороды, и упирается в ворота. Через невысокую деревянную ограду видны окрашенные в кирпичный цвет одноэтажные дома с белыми наличниками окон, зеленые газоны, чистые дорожки. Над воротами большими буквами написано: «Ауфнамехайм». Это и есть приемный пункт, или, если переводить дословно, «приемный дом».

Калитку нам отворяет молодой парень с красной повязкой на рукаве — дежурный. Зовут его Иоган Нодлер, он сам из числа тех, кто перешел границу. Через два часа его сменит кто-нибудь другой из обитателей приемного пункта. У приемного пункта есть начальник, но всю заботу о порядке несут те, кто живет в «Ауфнамехайм».

Начальника приемного пункта зовут Фриц Кирхгефер. Это высокий человек с веселым лицом и добродушной улыбкой. На его куртке значок члена Социалистической единой партии Германии.

Вместе с начальником мы идем по территории приемного пункта.

— «Ауфнамехайм» — это первая ступенька в новую жизнь для людей, пришедших из Западной Германии, — рассказывает он. — Они не задерживаются у нас надолго: живут всего восемь — четырнадцать дней. Вас интересуют цифры? Вот, пожалуйста: за месяц через наш приемный пункт проходит примерно 400—450 человек. Всем им надо помочь устроиться — найти работу, подумать о жилье для новых граждан нашей республики.

Кирхгефер то и дело останавливается, здоровается, расспрашивает обитателей пункта, как тот или другой устроился, получает ли письма из дома. Ему отвечают охотно и откровенно. Но сейчас большинство людей в городе. Вернутся они к обеду.

Столовая. Здесь обитатели приемного пункта получают три раза в день бесплатное питание. Помимо этого, им выдается небольшая сумма денег на карманные расходы. Тот, кто хочет получить больше, может временно устроиться на работу в Эйзенахе.

Клуб. Две маленькие девочки за столиком самозабвенно играют в шашки. По вечерам обитатели приемного пункта собираются здесь у телевизора, читают, слушают лекции.

Поликлиника. Каждый, кто приходит в приемный пункт, проходит медицинский осмотр. На случай, если заболеет ребенок, устроен стационар.

Мюллеры решили вернуться

Есть в Тюрингии, в ГДР, небольшой городок Рудольштадт. В этом городке и жила семья Мюллеров. Карл Мюллер занимал не очень крупный пост — служил он всего-навсего дворником при государственном магазине. Его жена Херта работала на фабрике фарфоровых изделий. А шестнадцатилетняя Хельга, их дочь, была ученицей на текстильной фабрике.

Жили они в своей двухкомнатной квартирке, не особенно интересуясь политикой. Так было до 1956 года.

Но вот однажды из Западной Германии приехала к ним школьная подруга фрау Мюллер, Маргарита Хорншу, и рассказала, будто на западе текут молочные реки в кисельных берегах. Через некоторое время Мюллеры превратились в «беженцев из советской зоны».

И вот теперь они сидят перед нами в клубе приемного пункта и рассказывают, как жили они последние полтора года.

— Городское управление города Лаутербах в верхнем Гессене, куда мы обратились, направило



Карл и Херта Мюллеры.

нас в лагерь для беженцев,— рассказывает Карл Мюллер.— Прожили мы недели две, а потом нас вызвали и сказали: «Можете получить работу в сельском хозяйстве». Так мы очутились в поместье Франца Снуга в Альсфельде.

— Снуг тоже беженец,— заговорила фрау Мюллер.— Ну, да ему-то что! Он и здесь кулаком был и там неплохо устроился. Работали мы на него, а как расчет подошел, так он...

— Не заплатил он нам всех денег,— грустно говорит Карл Мюллер.— И разговаривать не захотел. Выгнал меня и дверь захлопнул.

У фрау Мюллер глаза загорелись злостью:

— Даже побить обещал, негодный...

Оставшись без работы, Мюллеры вернулись в Лаутербах. Пришли в магистрат, попросили помочь с жильем. Но там им ответили: «Для вас квартир нет». И начались мучения. Уже наступила осень, Мюллеры жили на улице, потом устроились в дровяном сарае. Карлу лишь иногда удавалось найти случайную работу...

— Мы еще весной вернуться собирались, — продолжает фрау Мюллер.— А нам говорят: «Вернетесь — попадете в тюрьму». А тут еще и дочка заболела. Как нищим, пришлось деньги на поездку собирать...

Карл Мюллер печально слушает все, что рассказывает его жена, а потом медленно и тихо, как бы про себя, произносит:

— Нет, никогда я не жил так плохо, как эти полтора года.

Теперь семейство Мюллеров собирается возвращаться обратно. Фрау Мюллер беспокоит, цела ли их квартира, сохранилась ли мебель. Ее успокаивает кто-то из окружающих: все должно быть цело. А если за это время мебель и была продана, то они получат деньги, которые были выручены за нее. Так делается обычно. Фрау Мюллер слушает немного недоверчиво, а потом вдруг говорит:

— Да пусть хоть ничего не дают... Главное — мы снова дома.



Генрих Рёслер, начальник приемного пункта Фриц Кирхгефер, Вилли Рёслер.

Еще одна семья приехала на приемный пункт...



«Я знаю, что такое Запад!..»

Внешне Карл Лендес держится спокойно. Только по еле заметному дрожанию пальцев небольших пухлых рук, когда он достает из кармана какие-то бумаги и документы, заметно, что он волнуется. Почему же все-таки он, владелец гостиницы и магазина в Штутгарте, очутился здесь, на этом приемном пункте?

...После войны Лендес пополам с компаньоном владел в Южной Баварии небольшим заводом по производству электромоторов и трансформаторов. Однажды завод сгорел. Он занялся продажей кока-кола, бутербродов и шоколада в американских казармах в Штутгарте. 90 процентов выручки шло американской компании, которая снабжала его товаром, 10 процентов — Лендесу.

— Это было неплохое дело. Скоро у меня появились деньги. На них я создал три небольших ресторанчика. Работали все — я сам, жена, дети. Приходилось мотаться с утра до вечера. Однажды я узнал, что можно купить магазин и небольшую гостиницу. Я продал все, что у меня было, и купил их. Еще семь тысяч пошло на то, чтобы переоборудовать их заново. К сентябрю прошлого года все было готово. А через месяц...— Карл Лендес лезет в карман за какой-то бумажкой: — Через месяц пришли из магистрата и говорят: «Ваши помещения придется снести». Понимаете? Четырнадцать тысяч марок затрат — и снести!

Карл Лендес взмахивает рукой, в которой зажата бумага.

— Я им показывал документы. Вот я показывал им письмо от администрации пивного завода, где я закупал пиво. Тут написано, что я всегда честно расплачивался за все... Но магистрату нужно было место, чтобы построить казармы для армии. Вот они и приказали мне убираться...

Я долго ломал голову: как быть? У меня не было никакой охоты ехать сюда, в народную демократию. О ГДР на Западе пишут очень плохо. Но случилось так, что один знакомый пригласил меня отдохнуть в Западный Берлин. Там я много узнал о ГДР, побывал в Восточном Берлине, все видел своими глазами. Так родилась у меня мысль переехать сюда.



Карл Лендес.

И вот теперь я здесь. Семья пока еще в Штутгарте. Там у меня осталось много товаров, которые уже оплачены. Жене надо их распродать. Когда с этим будет кончено, она приедет. А сыновей я жду со дня на день. Вот письмо жены: «Каждый день приходит полиция, спрашивает о тебе».

— Итак, вы решили жить в ГДР. Но ведь вы привыкли иметь свое «дело»?

С лица Лендеса вдруг слетает маска спокойствия. Сквозь зубы он с яростью произносит:

— Я знаю, что такое Запад! Да, знаю! Вам известно, как там ведут себя американцы?..

Молодежь ищет будущее

Больше половины обитателей пункта — люди в возрасте до 25 лет.

Есть общее в их судьбе. Там, на Западе, они не смогли увидеть своего будущего. И пришли искать его здесь, в Германской Демократической Республике.

Гюнтер Пельц жил в Западном Берлине. Там он познакомился с девушкой по имени Кристель Кунце. Дело шло к женитьбе. Но для этого нужно быть уверенным, что будет жилье, из которого тебя не выгонят, что будет работа, которой тебя не лишат. Ничего этого не смог найти Гюнтер Пельц в Западном Берлине. И вот теперь они с Кристель здесь, в ГДР, чтобы тут пожениться и жить по-человечески.

Вилли Рёслеру 21 год. Его брату Генриху — 20. Оба крупные, широкоплечие, с мозолистыми руками. Только на простых, добродушных лицах написано еще что-то детское.

Работали братья на шахте в Гайленкирхен, недалеко от Ахена. Зарабатывали не так чтобы очень плохо, но пришлось уйти: не было квартиры. Потом Генрих получил повестку — призыв в армию. Вилли не стал ждать того же. Оба брата перешли границу и явились на Эйзенахский приемный пункт.

— Зачем нам идти в армию? — говорит Генрих.— Мы не хотим служить американцам.

Не боялись ли они идти сюда?

— Нет, не боялись. Мы уже были здесь раньше. В 1951 году мы отдыхали в ГДР в детских лагерях (каждый год правительство ГДР приглашает детей западногерманских рабочих на летний отдых).— Мы видели, как живут здесь люди.

У братьев Рёслер начинается новая жизнь. Оба хотят учиться, а Генрих собирается сменить профессию и стать моряком. Что же, дороги для них открыты...

Печаль уходит из глаз

— Разные люди приходят к нам, — рассказывал начальник пункта Фриц Кирхгефер. — И жители Западной Германии и те, кто перешел на Запад из ГДР, а теперь одумался. Но первых больше. Причины разные: и политические и экономические. В прошлом месяце прибыло пятеро немцев из французского иностранного легиона: видно, не по душе им больше служба наемников. Девять человек пришли потому, что не захотели служить в бундесвере.

— А что вам известно о дальнейшей судьбе тех, кто побывал в приемном пункте?

Вместо ответа Кирхгефер встал и вытащил из несгораемого шкафа толстую папку.

— Вот посмотрите!

Это были письма, полученные от людей, которые сейчас живут и работают в Германской Демократической Республике.

Эльфрида Шпайдель пишет из Потсдама:

«Мы только сравнительно короткое время в ГДР, но наши сердца полны гордостью за людей, которые живут здесь. Мы ждали, что встретим здесь понимание и человеколюбие, но то, что увидели, превзошло все ожидания. Мы, уже немолодые люди, ощущали это как новое рождение человека. Нам вернули веру в человечество!»

Письмо из Лейпцига. Автор пишет кратко:

«Хотел бы выразить вам искреннейшую благодарность за поддержку. 1 июня приступил к работе... Приложу все мое старание, чтобы быть достойным оказанной мне помощи.

Курт Глетцер».

Еще одно письмо оттуда же от Диера Вильке:

«В Лейпциге все идет хорошо. Мы получили от Созета города деньги, и в тот же день я получил работу. С жилплощадью обстояло хуже, и мы должны были искать три дня, прежде чем нашли ее. Но не подумайте, пожалуйста, что я так нескромен! В Западной Германии я исходил в поисках жилья более трех лет, прежде чем обрел крышу над голозой. В общем, мы довольно хорошо устроились, и я могу сказать, что я опять знаю, что такое смех...»

А вот это письмо только что принесли. Его еще не успели подшить в папку. Автор письма — Хорст Розентрэгер. В письме он благодарит работников приемного пункта, пишет, что хорошо устроился на новом месте, получил постоянную работу.

* * *

...В тот день, когда мы посетили приемный пункт в Эйзенахе, туда пришло еще тридцать пять человек из Западной Германии.

«Истории сердцебиенье...»



В литературном наследии Алексея Колосова нет романа, нет повести, нет произведения пространного, длинного. Рассказ, очерк, фельетон — таковы жанры писателя. Вся деятельность его была связана с газетой. Сборник «Как расцветала степь» дает представление о творчестве одного из старейших сотрудников «Правды». Книга открывается очерком «Малиновые поля», напечатанным в «Правде» 12 февраля 1928 года. 2 сентября 1956 года в «Правде» был опубликован один из последних очерков — «Коммунисты ведут».

И невозможно без волненья
Держать седой комплект в руках,—
Истории сердцебиенье
Я слышу в буквенных рядах.

Эти строки поэта Сергея Городецкого вспоминались нам при чтении книги: газетные очерки, фельетоны, рассказы А. Колосова относятся к той политической летописи современности, которую ведут из года в год большие и малые газеты. Литературные снобы и политические обыватели называют газетный лист «однодневкой», а газетный очерк, рассказ, фельетон — «низшим жанром» в литературе. Но газетный лист является и самодовлеющей ценностью, во-первых, а во-вторых, литературное произведение, напечатанное в газете, предстает перед судом сотен, тысяч и даже миллионов читателей.

Человек, изучающий историю революционных советских лет, не может обойтись без «седого комплекта» газеты. Джон Рид, автор «Десяти дней, которые потрясли мир», писал о том, как помогли ему подшивки газет, когда он работал над книгой. Константин Федин заявлял, что газеты первых лет революции вводили его в атмосферу политической жизни эпохи, воскрешали детали той жизни в пору писательской работы над большими романами.

Алексей Колосов писал о советской деревне. Годы «великого перелома» в русской деревне, первые колхозы, борьба старого с новым, часто принимавшая трагический характер, свободный труд на полях, расцвет личности советского крестьянина — обо всем этом рассказал литератор. Достоверный факт, точная цифра, личное наблюдение, пережитое и прочувствованное автором, — все это подкупает читателя колосовской книги.

Надо особо сказать о слове писателя. Это слово — драгоценный сплав устной народной речи с хорошим литературным слогом. Книга «Как расцветала степь» — свидетельство писательского таланта, доброго и светлого.

С любовью пишет Колосов о людях земли. Старое и молодое поколения деревни изображаются во многих его рассказах и очерках. В чудесном рассказе «Парторг и Егорка» раскрывается большой и благородный мир советского человека. Мальчуган Егорка поймал сома. Дело происходило в военное время, разносолов у Егорки не было, но рыбак отдает свою добычу в общий котел. Парторг Андрей Никодимов, видя, как на тачке везут в артельную столовую огромного сома, говорит про Егорку: «Он его обротал. Борьбу такую с ним провел — на военный лад. И отдал на общественность, в дальнейшее усиление темпов». Писатель рассказывает, что происходит в душе Егорки. «Он взбудоражен, но уже не только тем, что «обротал» редкостную рыбину, но и чем-то иным, несказанно сладостным и огромным, чего он не умеет назвать. Пройдут годы, и он вспомнит, как впервые ощутил он несравнимую, окрыляющую радость коллективизма, служения людям и ответную любовь их. И вспомнит старенького парторга Андрея Никодимова, умевшего, видно, подмечать в человеческой душе и взращивать в ней то, чем непреодолимо могуч наш народ!».

Большая любовь к честным и хорошим людям не мешает Алексею Колосову видеть и ненавидеть зло в жизни, презирать мирских захребетников, кулаков и подкулачников в их новых обличьях. В травле негодного и вредного автор по-большевистски беспощаден. Сатирический рассказ, едкий фельетон являются сильной стороной в творчестве писателя, и по силе таланта Колосов-сатирик не уступает Колосову-лирику. В фельетоне «Неловкая история» устами колхозного шорника повествуется о мелкотравчатых людях, что косяками едут и идут в деревню не для подлинной помощи земледельцам, а ради личной выгоды или пустячных дел. «Один будто приехал научить, как гриб шампиньон сеять. А другой из избы в избу ходит и все просит старых старух песни ему петь. Старуха и так от него отбивается и сяк отбивается, а он, как клещ: «Ну, пожалуйста, бабуля, ну, очень, очень прошу!.. Ты пой, а я запишу...» Она видит, нету ей от него спасу, и поет с большой тоской: «Ах вы, сени, мои сени...» А другой ищет какую-то особенной, тутошней породы курицу, которая будто несет вот такие большущие яйца. Говорим ему: «Правильно, есть у нас такая птица, только она не курица, а зовется гусь...» Потопчется такой день или два, видимость работы сделает, и домой».

Книга «Как расцветала степь» — первое серьезное издание произведений А. Колосова. За пределами книги осталось многое из написанного покойным литератором. Журналист и писатель, Колосов не придерживался табеля о рангах: он не делил газеты и журналы на малые и большие, и его произведения печатались в ярославской, краснодарской, сызранской и других периферийных газетах. Все это входит в литературное наследие Алексея Колосова, должно быть собрано и изучено.

И. РЯБОВ

А. Колосов. Как расцветала степь. Изд-во «Правда». Москва, 1957. 696 стр.

ЛИРИЧЕСКОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Если вам, читатель, дороги особенности и приметы нашей русской природы; если вам близка и понятна красота ромашковых лугов, березовых перелесков, тропинок, убегающих в заросли диких яблонь и залитых солнцем ржаных полей; если вы хотите побеседовать с людьми, охраняющими наши лесные богатства, заглянуть в окна хат далеких степных колхозов, провести вечер у костра с рыбаками; если вы немного романтик, прочтите книгу Владимира Солоухина «Разрыв-трава».

Автор порадует вас своей поэтической зоркостью, тонкой наблюдательностью, умением передать просто и свежо оттенки своих лирических ощущений. Вам будет интересен его угол зрения на явления и события нашей современности, он не утомит вас длинными риторическими рассуждениями, и, надо надеяться, убедит в том, что для взрослых так же, как и для детей, может стать другом хорошая, задушевная сказка.

Все меньше сказок в мире нашем,
Все громче формул торжество.
Мы стали опытней и старше,
Мы не боимся ничего.
Нам выпал век науки точной.
Права ботаника, права.

Но я-то знаю: в час урочный
Цветет огнем разрыв-трава!

Но не только по заросшим папоротником лесным дорожкам ведет нас поэт. Лирика любви — и очень хорошо, что не только безответной, но и «ответной»,— занимает большое место в его книге. По своей форме стихи на эту тему, пожалуй, слишком традиционны. Их интимность напоминает иной раз так редко встречающиеся в нашем сегодняшнем быту переплетенные в сафьян альбомы, но есть в них и такие строки:

Я тем, что долго путал, не кичусь,
Не рад, что ноги выпачканы глиной.
Но вышел я из путаницы чувств
К тебе!..
...В цвету любви моей долина!

Живописность, зримость — одна из привлекательных особенностей творчества поэта. Он фантазией не обделен, но, говоря о вещах, по старинке называемых «волшебными», всегда делает конкретный реальный вывод.

Лирика Владимира Солоухина мужественна и неотделима от целеустремленного гражданского романтизма. «Жителям земли», «Колодец», «Партийный билет» — все это стихи, заслуженно ждущие вашего внимания, читатель. Вы, несомненно, отметите при чтении сборника «Разрыв-трава» композиционные недостатки некоторых стихотворений, их растянутость. Но эти отдельные недостатки не смогут испортить общего впечатления от книги, где молодость поэта уступает свои права зрелости и крепнущий голос приобретает не только звонкость, но и убедительность.

А. КОВАЛЕНКОВ

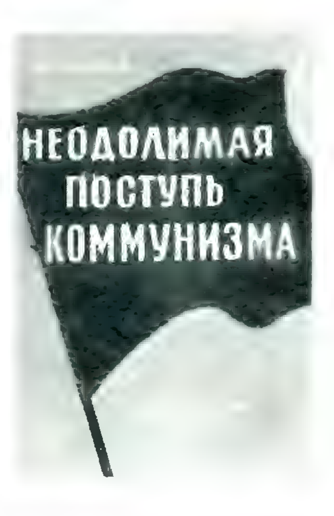
Владимир Солоухин. Разрыв-трава. Стихи. Изд-во «Молодая гвардия». 127 стр.

Победная поступь

Октябрьская революция в России стала поворотным пунктом в истории мирового освободительного движения: идеи марксизма-ленинизма впервые восторжествовали на одной шестой части земли. «Во всем мире движение коммунистическое растет превосходно,— писал Ленин в 1919 году,— медленнее, чем бы хотели, но широкое, мощное, глубокое и непобедимое». В дни, когда были написаны эти слова, в различных странах насчитывалось не более 300—400 тысяч коммунистов. В настоящее время 76 коммунистических и рабочих партий объединяют в своих рядах свыше 33 миллионов коммунистов. «Призрак коммунизма», о котором писали Маркс и Энгельс немногим более ста лет назад в «Коммунистическом Манифесте», обрел громадные материальные силы и уже завоевал под свои знамена сотни миллионов людей.

События и перемены, ежедневно происходящие в мире, требуют неустанной работы публицистов, этих летописцев современности, умеющих горячим словом откликаться на важнейшие факты времени. Изданная 150-тысячным тиражом книга Ал. Романова «Неодолимая поступь коммунизма» — это очерки коммунистического движения в капиталистических странах. Брошюра насыщена фактами, цифрами, знакомит с историей коммунистических и рабочих партий крупнейших капиталистических стран за последние три—четыре года, особенно после XX съезда КПСС.

В. ГАЛИН



Ал. Романов. Неодолимая поступь коммунизма. Госполитиздат. Москва. 1957. 84 стр.





Идеологические диверсанты, находящиеся на службе у мирового империализма, ведут систематическую, ни днем, ни ночью не прекращающуюся пропаганду против Советского государства и стран социалистического лагеря. Радио, газеты, журналы, кино — все к их услугам.

Книжка Б. Леонтьева «Правда против лжи», выпущенная недавно издательством «Молодая гвардия», является ответом всем продажным кондотьерам пера, изощряющимся в клевете на Советский Союз. В острой публицистической манере автор полемизирует с идеологами империализма, псевдосоциализма, поборниками холодной войны и их прислужниками из числа журналистов капиталистической прессы, продающих свое перо за иудины сребреники.

В книге приведены многочисленные высказывания иностранной печати, сообщаются факты и цифры, разоблачающие тех, кто грозит войной, потрясая атомной бомбой, кто срывает переговоры о разоружении, кто греет руки на военном ажиотаже. Пропагандисты так называемого «народного капитализма», являющегося отвратительной формой обмана народных масс, поборники неоколониализма, выраженного в доктрине Эйзенхауэра, певцы и барды политики нефтяных компаний, тянущих свои щупальца к богатствам Ближнего Востока, беспощадно разоблачаются в этой книге.

Книга Б. Леонтьева, несомненно, представляет ценное пособие для наших пропагандистов, особенно для тех, кто работает в области международных вопросов.

Н. НИКОЛАЕВ

Б. Леонтьев. Правда против лжи. Публицистика. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 159 стр.

АКБАР ХАМДАМОВ РАССКАЗЫВАЕТ



Я. ФОМЕНКО

Фото И. Тункеля.

...Юноша-узбек устало бредет по выжженной солнцем долине. Будто кого-то умоляя, он часто склоняется до самой земли и поднимает пучки сухой, жесткой и колючей, как проволока, травы.

Взойдя на пригорок, юноша разогнул ноющую спину, глянул на вышки, что маячили вдали, на людей, что копошились возле них, точно муравьи, и о чем-то задумался. Куда унеслись его мысли? К родному кишлаку, где живут мать, отец, братья и сестры? К людям возле вышек? А может, он думает о своей бедности и своей судьбе?

Под ногами юноши несчетные богатства. В недрах иссохшей земли целые озера «черного золота», дающего людям свет и тепло. Юноше недоступны подземные сокровища. Где-то там, далеко, живут хозяева земли, на которой он стоит. Они увозят «черное золото» за горы, за незнакомые моря.

Юноша не замечает, что к нему приближается человек в больших очках и короткополой шляпе. Незнакомец заговорил по-русски, с резким иностранным акцентом. Ему непонятно, зачем молодой узбек собирает сорняк. Топливо? Припасать на зиму бурьян, когда кругом нефть?

Глаза чужестранца оценивающе щупают плотную фигуру узбека. Парень, вероятно, силен и вынослив. Не пойдет ли он на промысел? Там хорошо платят. Человек в очках называет сумму.

Восемнадцать рублей! Никогда юноша-узбек не держал в своих исколотых колючками ладонях таких денег. Будь они раньше у него, может быть, не умирали бы от простуды и разных болезней его братья и сестры.

Восемнадцать рублей? Юноша согласен. Он согласен до восхода солнца вставать с жесткой постели, ходить за несколько километров на буровую, готов работать по двенадцати часов в день, без отдыха, в будни и в праздники, лишь бы приносить домой деньги.

Так Акбар Хамдамов, житель бедного кишлака Лянгар, что невдалеке от Ферганы, стал рабочим нефтепромысла Чимион, принадлежавшего небезызвестной фирме братьев Нобель. Случилось это почти полвека назад. Мог ли тогда думать Акбар, что наступит время и про него будут писать в газетах, что его портрет поместят на стенде музея в Андижане и экскурсоводы скажут посетителям: «А это наш замечательный бурильщик!» Мог ли мечтать неграмотный парень из глухого кишлака, что пятнадцать тысяч избирателей опустят в урны бюллетени с его именем и с ним будут советоваться насчет важных государственных дел?

...Депутат Верховного Совета Узбекской ССР Акбар Хамдамов принял нас с покоряющим гостеприимством. Он показал нам свой сад, где деревья буквально ломились от плодов. Он потчевал нас сладким, как мед, сорванным тут же инжиром, а затем пригласил в дом.

— Сам Нобель однажды приезжал из-за границы,— рассказывал Акбар Хамдамов.

— Наверно, долго с тобой беседовал? — усмехаясь, перебивает хозяина Халил Адальшин, сосед и друг, почтенный человек, бывший мастер добычи, а ныне пенсионер.

— Спешил, некогда ему было посоветоваться со мной о делах,— смеется Хамдамов и смотрит на статного человека в легком кителе, на начальника промысла Акрама Ходжаева. Веселый взгляд Хамдамова красноречивее всяких слов. Стал бы говорить с ним Нобель! Это теперь Акбар дружит с начальником, а тот с благодарностью принимает советы старого бурильщика. Любому инженеру не зазорно пользоваться опытом Хамдамова. Сколько нефти он «достал», не сосчитаешь. За тридцать девять лет им пробурено больше 200 скважин.

— Начинал я с ударного бурения,— говорит Хамдамов.— Не работа, а мука. Иную скважину года три долбили. Скажешь об этом теперь молодым ребятам — хохочут. Хорошо смеяться, когда у тебя лучший на целом свете турбобур. Нобелевская техника того времени и наша нынешняя — земля и небо. В последние годы скважину в два километра проходили за несколько недель. Раньше боялись думать о таких глубинах и скоростях.

Неторопливо течет застольная беседа: то переносит нас в туманные дали прошлого, то ведет по дорогам настоящего. Мы «видим» заросшую камышами и чием — осокой — пойму Ширихансая, дикие места, куда проникали разве только охотники. Они прокладывали тропинки, а следом за ними пошли геологи, бригады буровых мастеров. Шагал по этим тропкам и Акбар Хамдамов. Била нефть фонтаном, и в диких местах зачиналась жизнь. Чтобы ее увидеть, не надо призывать на помощь воображение. Вот он, городок нефтяников, со школой-десятилеткой, с клубом, с детским садом, многоквартирными и одноквартирными домами, с водопроводом и газом. Вот они, шаги новой цивилизации. Ее творит для себя человек труда.

Будто отклонившись от главной темы, Акбар Хамдамов заговорил о детях. Нет, он никуда не отклонился. Дети — тоже главная тема. Собственное безрадостное детство и такая же безрадостная юность причиной тому, что он с особой теплотой говорит о детях и всенародную заботу о подрастающем поколении считает величайшим благом, дарованным революцией. Как бы в подтверждение его слов о счастливой судьбе его детей и внуков с улицы доносятся голоса возвращающихся домой школьников.

— А я из-за нищеты не учился в детстве ни одного часа,— тихо произносит он и умолкает.

В колхозе имени Ленина, Хаджиабадского района, идет сбор хлопка.



Вместо него продолжал рассказ Халил Адальшин. Ему свыше семидесяти. Он называет города и края, где довелось жить и трудиться: Баку, Грозный, Бодайбо, Чимион, Андижан... Да, работал Халил и на Бодайбо, добывал «презренный металл». На Ленских приисках в 1912 году в него стреляли каратели. На левой руке остался след от царской пули.

Двадцатидвухлетний помощник бурильщика Турдыходжа, сын Хамдамова, забыл про чай. Не впервые он слушает Адальшина, и всегда ему кажется, что речь идет о незнакомых странах: так непохоже все, что рассказывают старики о прошлом, на его жизнь. Ему не доводилось собирать колючий сорняк на топливо, пить вонючую воду из хауза и растапливать зимой лед, чтобы сварить пищу. О Нобелях и карателях он знает только по рассказам. И басмачей он не видал. А сколько горя они принесли, скольких сиротами оставили! Акбар Хамдамов собственными глазами видел, как хоронили убитых рабочих-нефтяников, как пылали подожженные басмачами промыслы.

И опять наши собеседники говорят о настоящем. Начальник промысла Акрам Ходжаев привык различать времена по цифрам добычи нефти. Что такое нобелевский Чимион в сравнении с нынешней нефтяной промышленностью Узбекистана? Карликовое хозяйство. За четырнадцать дореволюционных лет в Средней Азии добыто вдвое меньше нефти, чем добывается ее сейчас в течение одного года. И заметьте: девять десятых среднеазиатской нефти дает Узбекистан, главным образом Ферганская долина. Видали, сколько скважин вокруг Андижана? Сколько вышек?

Да, мы видели! В самых неожиданных местах: в низинах и среди гор, возле хлопковых плантаций и виноградников, рядом с жилищами и в ущельях, куда, казалось, и не добраться человеку,— перед нами вырастали «качалки», сорокаметровые вышки. Иногда они соседствовали с хирманами — сушильными площадками, где лежит, точно кусок русской зимы, белоснежный хлопок.

Трудно сказать, чего больше родит узбекская земля — «черного» или «белого золота». Три миллиона тонн! Эту цифру нам называли во всех колхозах, где удалось побывать. Знали эту цифру нефтяники и ирригаторы, виноградари и студенты. Люди Узбекистана пообещали собрать в этом году три миллиона тонн хлопка, и в сентябре, когда начали раскрываться первые коробочки хлопчатника, жизнь из кишлаков переместилась на плантации.

В Андижане мы видели растянутые поперек улиц полотнища с лозунгами: «Дадим Родине 455 тысяч тонн хлопка!». Много это или мало? Много. Одна шестая часть урожая всей республики. Андижанцы издавна славятся культурой земледелия. Они выращивают самые богатые урожаи хлопчатника. Не редкость, когда с одного гектара тут получают 40 центнеров хлопка-сырца, а бывают сборы и повыше. Звено Камбара Дехканова из артели имени XIX партсъезда намерено получить с каждого гектара по 56 центнеров.

— Много пришлось поработать в этом году колхозникам,— говорит Акбар Хамдамов.— Весна была поздняя, плохая. Я дружу с председателем колхоза «Коммунизм» Атаджановым. Знаю, что в колхозах делается. Приходится и сельским хозяйством интересоваться. Депутат. Обязан...

Трапеза заканчивается, мы выходим во двор, чтобы сфотографировать семью Акбара Хамдамова, и узнаем, что она не вся в сборе. Старший сын, Тиляходжа, в армии. Скоро он вернется, и число рабочих промысла возрастет на одного человека.

Перед тем, как пожелать нам счастливого пути, хозяин спросил, где мы намерены еще побывать. Он остался очень доволен, когда узнал, что мы думаем в первую очередь осмотреть детские ясли и сады, затем проехать на соседний промысел, по дороге посетить колхозы и возвратиться в Андижан.

— В Кампыр-Равате будете?

Мы не знали, что означает это название. Нам сказали: «райский уголок», но мало ли таких «уголков»? Все же мы побывали в Кампыр-Равате и не пожалели об этом. Это, действительно, одно из красивейших мест Ферганской долины, хотя его название и звучит не так уж поэтично и в грубом переводе означает «Старухино место».

Правда, наименование не такое уж плохое, если подразумевать тут старушку-природу. Представьте широкие ворота, через которые Кара-Дарья проносит собранные с тяньшаньских хребтов воды в Ферганскую долину, где соединяется с Сыр-Дарьей. Часть воды поступает в нее с территории Китая.

Из узких теснин река вырывается на равнинный простор. Красива и страшна она бывает весною. В слепом разгуле затопляет она поля, сносит селения, разрушает дамбы.

Однако все это надо сказать в прошедшем времени. Человек «усовершенствовал» красоту природы, добавил к ней красоту созидания. Ныне у самых ворот, чуть ниже двух отвесных скал, стоит на редкость изящное сооружение — плотина и регулятор водоразбора.

Семья Акбара Хамдамова.

Мы стоим у перил плотины с начальником водного узла Сергеем Несторовичем Бондаренко и смотрим на разбегающиеся в разные стороны водные потоки. Они направляются в магистральные каналы восточной части Ферганской долины, где-то далеко там соединяются с Большим и Юж-



В родильном доме.



Это — кафе в Андижанском парке культуры и отдыха. Крышей служат крылья исполинского орла.

ным Ферганскими каналами, вливаются в Ширихансай, в Андижансай и другие водные магистрали. Четверть миллиона гектаров плодоносящих земель питает влагой это остроумное устройство.

Сергей Несторович рассказывает о приезде в Кампыр-Рават делегации из Китайской Народной Республики во главе с заместителем министра водного хозяйства Чжан Хан-ином.

— Очень понравилось товарищам из Китая наше устройство,— говорит Сергей Несторович.— Мы передали им проектные материалы и думаем уже о новой плотине и водохранилище на миллиард кубов.

Он становится лицом к горам:

— Вот эти две скалы соединим и подопрем Кара-Дарью. Тогда у нас получится полное зарегулирование. Сейчас мы только направляем потоки, а тогда будем равномерно дозировать подачу воды на протяжении всего лета. Укротим окончательно Кара-Дарью. Сейчас она еще пошаливает. В мае несет до 1 300 кубических метров в секунду, а в августе в десять раз меньше...

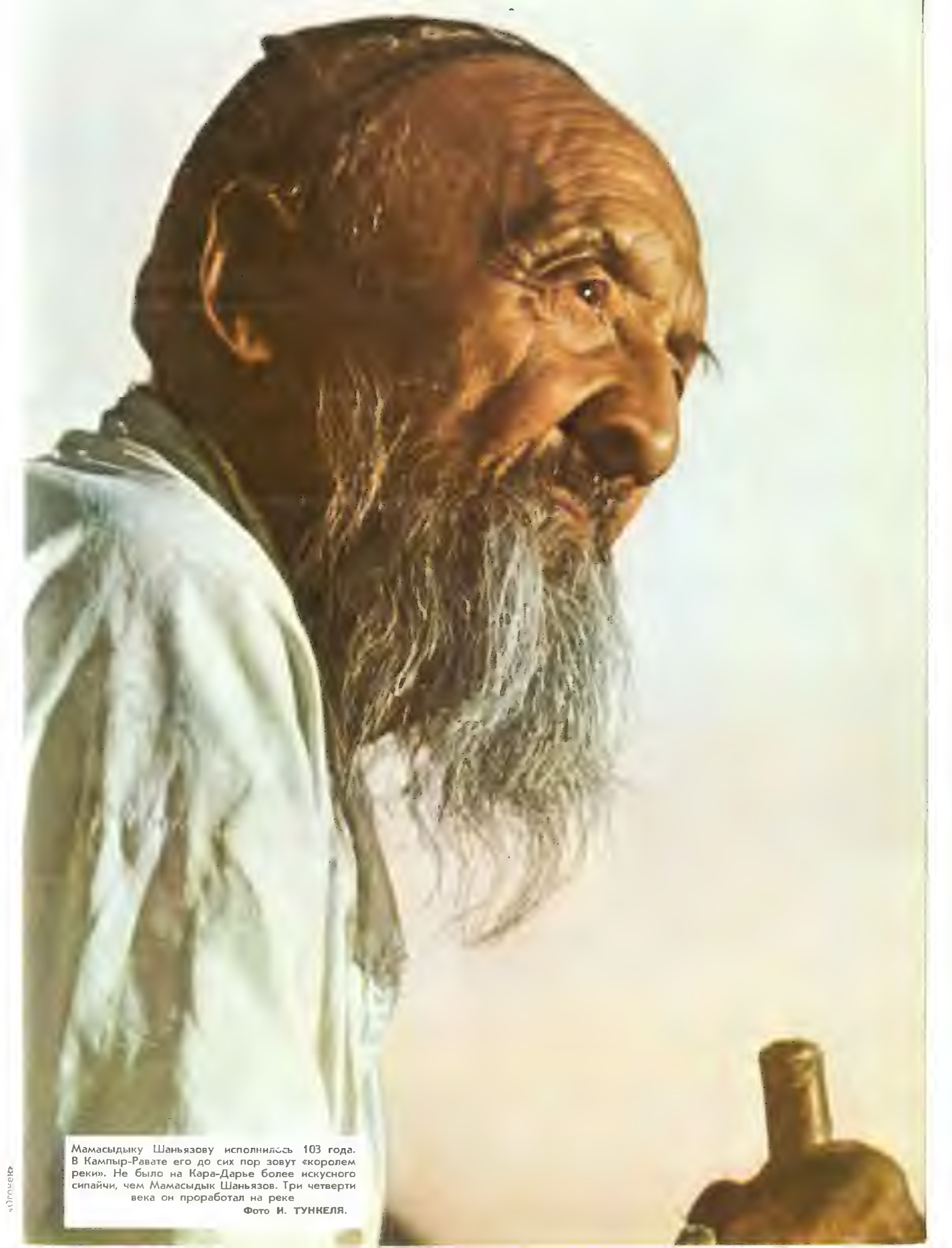
И тут на плотине появляется человек с посохом и заставляет нас снова обратиться к прошлому. Человеку этому сто три года, звали его и сейчас еще зовут «королем реки». Мамасыдык Шаньязов — бывший сипайчи.

Чтобы понять, кто такой сипайчи, надо объяснить, что такое «сипаи». Это треногая или четвероногая вышка из массивных соединенных вверху столбов. Сотни и даже тысячи сипаи устанавливали поперек реки, забивали пространство между «ногами» хворостом и камнем и таким образом регулировали и направляли потоки воды. Кара-Дарью в Кампыр-Равате перегораживали с помощью 1 561 таких сооружений. Можно представить, насколько опасна, рискованна и трудна была работа сипайчи. Нередко их навсегда уносила разъяренная река. И купанье в ледяной воде обходилось дорого, если случалось попасть в нее. А такие случаи были очень часты.

— Что лучше — сипаи или плотина? — в шутку спросили престарелого «короля реки».

Он поднял посох и покачал головой. Разве можно сравнить?! И провел в воздухе посохом черту, как бы соединяя две гигантские скалы, что возвышались по обеим сторонам Кара-Дарьи. Этот древний старик, половину своей жизни проживший в прошлом веке, хочет видеть не только настоящее, но и будущее...

Воды Кара-Дарьи послушно протекают через регулятор Кампыр-Раватского водного узла.

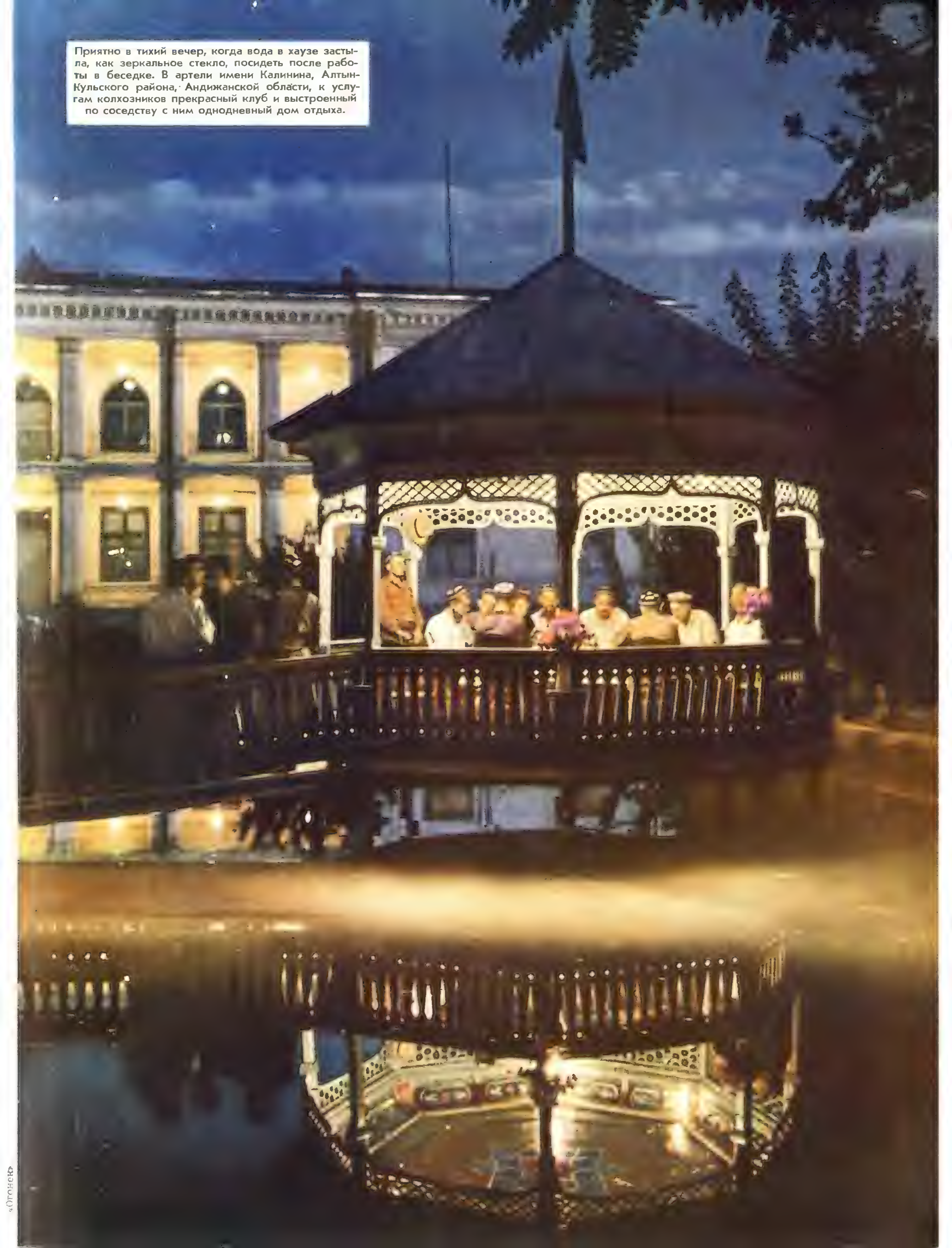


Мамасыдыку Шаньязову исполнилось 103 года. В Кампыр-Равате его до сих пор зовут «королем реки». Не было на Кара-Дарье более искусного сипайчи, чем Мамасыдык Шаньязов. Три четверти века он проработал на реке

Фото И. ТУНКЕЛЯ.



Смотрите, с каким упоением танцует эта девушка перед сборщиками хлопка. Это Мунаввар Азизова, студентка Андижанского педагогического института, участница VI Всемирного фестиваля.



Приятно в тихий вечер, когда вода в хаузе застыла, как зеркальное стекло, посидеть после работы в беседке. В артели имени Калинина, Алтын-Кульского района, Андижанской области, к услугам колхозников прекрасный клуб и выстроенный по соседству с ним однодневный дом отдыха.



В сентябре по всему Узбекистану вырастают горы «белого золота». Их много бывает в Андижанской области, где с одного гектара собирают до 45 центнеров хлопка.

Камо — жених

Рассказ

Мкртич **КОРЮН**

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Камо — Семен Аршакович Тер-Петросян, один из видных участников революционной борьбы в Закавказье в 1905—1917 годах. Товарища Камо, исполнявшего много ответственных партийных поручений, знал и любил В. И. Ленин.

В народе сохранилось много интересных воспоминаний о подвигах этого отважного революционера-профессионала. Ниже публикуется рассказ армянского писателя М. Корюна об одном эпизоде из жизни Камо.

Это было в декабре 1905 года в Тифлисе.

— Забастовка!

Железнодорожники обошли маневровые паровозы и погасили топки. Проверили пути, ведущие в Навтлуг и Авчалы, в сторону Баку и Батума, и вывели из строя все паровозы на этих путях, заперев подходы к Тифлису. На доске дежурств появилась надпись: «Стачка! Собраться завтра в 7 часов утра в депо».

На станции были оставлены дежурные.

Пассажирские поезда, по расписанию отходившие вечером в Батум, Баку, Карс, были набиты отъезжающими, но не двигались с места. Паровозы к составам не прицепляли.

Начальник депо Артенберг не сумел найти машинистов, позвонил полицмейстеру и доложил о тревожном положении.

На вокзале появились полицейские. Артенберг успокаивал пассажиров. Он бегал по перрону и сообщал, что сейчас прибудут машинисты из «Союза патриотов».

Пути были закрыты с обеих сторон. По вагонам прошли снявшие форму железнодорожники, сказали, что машинистов ждать не нужно: началась забастовка. В два часа ночи пассажиры начали разъезжаться по домам. Станция опустела. Бездействовали составы Тифлис—Баку, Тифлис — Батум, Тифлис — Карс. В одном из домиков у вокзала машинисты вместе с членами Тифлисского комитета РСДРП что-то писали за столом. И вдруг услышали свисток паровоза.

Кто это?..

Бросились на станцию. Оказалось, машинист-штрейкбрехер вывел на пути один из паровозов. Штрейкбрехера стащили с машины и побили. На станции воцарилась тишина...

В Нахаловку прибыли полицейские части и казаки. Забастовщики ожидали нападения с трех сторон, поставили заслоны и вышли на демонстрацию. Во главе одного из отрядов шел Камо.

Полицейские и казаки принялись разгонять демонстрантов, но рабочие были тоже вооружены. Начался бой.

Камо заметил, что новый отряд казаков скачет из города.

Борьба длилась недолго. Казаков было гораздо больше, и отряд Камо был разбит. Один из казаков бросился с шашкой на Камо. Шашка ударила по руке, хлынула кровь. Камо схватили.



На допросе Камо прикинулся непричастным к стачке: «Крестьянин, случайно попал в Нахаловку...» Ему сунули в руку кирку, заставили рыть себе могилу. Камо рыл, притворяясь, что не понимает, для кого он роет яму. Когда она была готова, Камо заставили стать у могилы. Казаки прицелились.

Камо, закрыв глаза, ждал залпа, но залпа не было. Жандармам нужны были имена забастовщиков.

— Давайте отрежем ему нос! — сказал жандарм.

— Если невеста увидит меня без носа, она не согласится стать моей женой, а это для меня хуже смерти, — с искренней печалью сказал Камо.

— Ах, вот как, значит, ты жених?

— Жених!

— Ну, коли так, оставьте ему нос!

Камо был отправлен в участок. Хотя он был истерзан, его отправили не в больницу, а в одну из темных камер Метеха. Придя в себя, Камо вспомнил кроткую тетю Лизу, сестер...

Сестра Камо, Джаваир, прибежала в Нахаловку, когда на улицах лежали убитые. Перед событиями в Нахаловке Камо был у Джаваир. Она помыла ему голову, дала свежее белье. Теперь она вспомнила, что брат был одет в новую рубашку— белую, с черными полосками. Она стала рассматривать одежду убитых. Трупа брата не было. Джаваир пошла к тюрьме.

Камо не верил глазам: в ту минуту, когда он поднялся к окну, у тюрьмы появилась его сестра. Он громко крикнул:

— Перенеси в комнату мой велосипед!..

Повторив это несколько раз, он заметил, что сестра кивнула головой, значит, поняла и рада, что он жив. Камо сел на табуретку. Дверь с шумом распахнулась, и в камеру был брошен другой узник.

— Дурак, теперь ты поймешь, что значит бунтовать! — раздался грубый голос тюремщика. Дверь снова захлопнулась, с неприятным лязгом задвинулся засов.

Камо поднял заключенного, разорвал свою рубаху, перевязал его раны.

— Голова, голова болит, — шептал раненый.

Камо осторожно посадил его, прислонив к стене, и остатками рубахи отер кровь.

— Ничего, потерпи, пройдет... — сказал он.

Лицо узника было бледно, а губы посинели. Он сидел неподвижно. Камо, разглядывая заключенного, не смог узнать в нем никого из известных ему людей.

Через некоторое время заключенный поднялся и, слегка шатаясь, стал ходить по камере. Солнце скрылось, камеру снова окутал полумрак. Камо внимательно следил за заключенным. «Черт побери, какой он молчаливый!..»

— Как вас зовут, товарищ?

— Шаншиашвили, фармацевт.

Никто из товарищей Камо не был аптекарем.

— Что ты делал в Нахаловке во время демонстрации?

— В аптеке Рухадзе, где я работаю, часто рассказывали о Камо. Хотел его увидеть. Столько о нем сказок ходит! Говорили, что он среди забастовщиков. А увидеть его нелегко.

— Почему?

— А потому, говорят, одет он то как студент, то как кинто, то как князь, военный... Ну, поди узнай. А в этот день он должен был участвовать в демонстрации. Я решил непременно увидеть его, потому и пошел в Нахаловку.

— А на что тебе он?

— Ва, кацо, как на что? Я о нем рассказал бы своей невесте. Сказал бы: «Такой он, этакий, моя милая. Своими глазами видел его, говорил с ним...»

Камо встал с места, взял под руку Шаншиашвили и спросил:

— А как бы ты узнал Камо?

— Товарищи говорили, что он рябоват. Ну, мне и показали бы его...

— Не показали?

— Где там! Как начался бой, Камо был убит казаками. А меня избили и бросили сюда...

Шаншиашвили помолчал, потом спросил:

— Ты тоже из забастовщиков?

— Тоже.

— Как ты думаешь, что со мной сделают, а?

— В Сибирь сошлют.

— Ва, в Сибирь?

— Непременно в Сибирь.

Шаншиашвили схватился за голову, опустился на сырой цементный пол и, вздыхая, сказал:

— Под какой же несчастной звездой я родился!

Камо подошел, дружески положил руку ему на плечо.

— Что тебя так мучает, дружок, а?

Грузины в горе лиричны. Шаншиашвили ответил на вопрос вопросом:

— Знакома ли тебе эта песня:

Я могилу милой искал,
Но ее найти нелегко.
Долго я томился и страдал,
Где же ты, моя Сулико?

— Знакома! — сказал Камо.

— Если живыми отсюда выйдем, шафером моим на свадьбе будешь, — сказал Шаншиа-

швили и опять загрустил: — Если бы засуха высушила наши поля, если бы град побил наш сад, я не так бы горевал... Всякую потерю можно восстановить, а жизнь потеряешь,— кто и как ее вернет?..

— Это ты правильно сказал, умно сказал. Жизнь — самая дорогая вещь на свете, — сказал Камо и подсел к Шаншиашвили. — Послушай, ты уверен, что нас обоих ждет смерть? Ну-ка, сообрази, Шаншиашвили: свобода... невеста... свадьба... счастье... И все это зависит от тебя!

— От меня?..

Он был необычайно удивлен. Зрачки у Шаншиашвили расширились. Камо почувствовал, что пущенная им стрела попала в цель. Он еще тесней прижался к Шаншиашвили.

— Что зависит от меня? — спросил аптекарь.

— Скажи, Шаншиашвили: ты хочешь спастись?

— Какой же дурак захочет мерзнуть в Сибири или качаться на виселице? Потерять свободу, счастье? Что я должен сделать?

Камо повел Шаншиашвили в глубину камеры.

— Шаншиашвили, скажи откровенно, если сейчас Камо предстанет перед тобой и скажет: «Аптекарский ученик Шаншиашвили, помоги мне выйти из тюрьмы, чтобы после я смог освободить тебя», — поможешь ты ему?

— Чудесам только моя бабушка верит, а я давно перестал. Камо уже в могиле, а ты мне говоришь: «Если Камо придет и попросит: «Помоги мне выйти из тюрьмы...»

— Шаншиашвили, без шуток говорю, если Камо стоял бы здесь перед тобой и просил твоей помощи, ты отказал бы ему?

— Дорогой мой, зачем терять время на бессмысленные сказки? Если ты их любишь, я могу тебе рассказать наши грузинские народные сказки об «Амиране», «Пастухе Бачия», «Пастухе Гёрги». Всем этим сказкам я, может быть, и верю, но тому, что Камо жив, не поверю, и ты об этом больше со мной не говори.

Но собеседник внимательно смотрел в глаза ему, и аптекарский ученик тоже не отводил глаза в сторону.

— Шаншиашвили, клянись, что поможешь Камо, если он прибегнет к твоей помощи.

— Пусть лишусь своей невесты, пусть все проклятия моей злой бабки падут на мою голову, если я не помогу Камо, лишь бы он был жив!

— Шаншиашвили, чует мое сердце, что ты честный человек и будешь хозяином своего слова. Смотри и верь: я Камо...

Шаншиашвили посмотрел на него широко открытыми глазами.

— Поверь мне, Шаншиашвили, я Камо, Семен Аршакович Тер-Петросян, из горийских армян. Смотри: «Лицо немного рябоватое»...

Шаншиашвили, понемногу приходя в себя, начал внимательно разглядывать Камо. Действительно, лицо рябоватое...

— Погоди, как же так? Ведь, говорят, там, в Нахаловке, казак так сильно ударил тебя по голове шашкой... Как же ты живым остался?..

— Когда казак размахнулся шашкой, я отскочил, лег на землю, и он промахнулся. И, как видишь, я жив и здоров...

— Но ты ведь в одной блузе, простудишься, — сказал Шаншиашвили.

— Из сорочки я сделал бинты, чтобы перевязать твою рану. А теперь пора нам выходить из тюрьмы.

— Ты это сделаешь?..

— Если ты мне поможешь выйти из тюрьмы, то мне, находясь на воле, нетрудно будет освободить тебя. Хочешь?

— Бог мой, зачем спрашиваешь?.. Что я должен делать?

— Будем меняться одеждой. Вызовут на допрос, ты скажешь, что ты Камо, а я Шаншиашвили. Так я освобожусь, а потом освобожу и тебя.

Шаншиашвили посмотрел на Камо и сбросил одежду.

— На вопросы ты ответишь бесстрашно, смело, дерзко. А на многие вопросы и вовсе не ответишь. Это заставит их подумать, что ты очень много знаешь, но не хочешь сказать, — объяснил Камо, надевая платье Шаншиашвили.

— А если поймут, что я не Камо?

— Пока поймут, я буду на свободе.

— А если за этот мой шаг меня строго накажут?

— Пока они придумают, как тебя наказать, ты уже будешь на свободе.

Шаншиашвили нервно засмеялся:

— Камо, сердце мне подсказывает, что ты сдержишь свое слово и не покинешь меня. Но если ты и не сможешь освободить меня, будь уверен, я не раскаюсь, что помог тебе, если это даже будет стоить мне жизни. Ведь я помог тебе, а я знаю, какой благородной цели ты служишь...

Они обнялись, Шаншиашвили вытер слезы и пропел:

Над любимой розой своей
Прятался в ветвях соловей.
Я спросил, вздохнув глубоко,
Ты ли здесь, моя Сулико?

Вошел надзиратель и сонным голосом произнес:

— Шаншиашвили, к следователю!

По длинному темному коридору Камо последовал за надзирателем в кабинет следователя.

В кабинете никого не было. Из-за полуоткрытой двери в соседнюю комнату доносился разговор.

— Для освещения обстоятельств дела Камо мы должны сначала допросить нескольких других арестованных в Нахаловке, — говорил следователь. — Потом мы займемся Камо и его товарищами.

— Одного я уже вызвал, можете начать, — сказал начальник тюрьмы.

Увидев следователя, Камо смиренно поклонился. Следователь не обратил внимания на поклон Камо. Он раскрыл свой портфель, достал пачку бумаг, затем сел и, надев на нос пенсне, обратился к Камо:

— Ваше имя, фамилия, занятие, возраст?

— Подождите, подождите, господин следователь, как же я смогу разом ответить на столько вопросов? Моя фамилия — Шаншиашвили, я аптекарский ученик из аптеки Рухадзе,— уверенно ответил Камо.

— Зачем были в Нахаловке?

— Меня послали...

— Вот, вот! Кто послал, зачем послал, к кому послал? — спросил следователь, окунув ручку в чернильницу.

— Меня послала в Нахаловку бабушка. Знаете, она очень строгая женщина, невыносимо строгая. Кроме того, в Нахаловке живет моя невеста. Я по ней так скучал, так скучал...

— Оставьте в покое вашу невесту и бабушку, — прервал его следователь.

— Да я бы оставил их в покое,— они меня не оставляют. Бабушка постоянно посылает меня то сюда, то туда. А невеста требует не отходить от нее ни на шаг. Вот и сегодня бабушка послала меня в Нахаловку отнести лекарство ее больной сестре. Если, говорит, лекарство поможет и сестра встанет с постели, повенчаем тебя, а если не поможет, не повенчаем...

Камо сделал вид, что плачет.

— А мне как раз надо было на дежурство в аптеку Рухадзе, там я учеником аптекаря работаю... Я так соскучился по невесте, так соскучился, ну что вам говорить, ведь вы тоже были молоды. А невеста моя, знаете, живет в Нахаловке. Вот иду я к ней, тороплюсь и вдруг падаю. Видите, как голову ушиб. Вот что получилось, настоящее «Таво чемо». Знакома вам эта песня? Прямо как будто про мою голову поется. Вот послушайте.

Камо запел:

Нет и нет конца страданью моему,
Кто мне друг, кого я братски обниму?
В розах змеи, желчь в шербете, потому
И кляну я этой жизни злую тьму,
Где дороги к ней благие — не пойму.
Голова моя, где счастье ты нашла?..
И от счастия душа не замерла, —
Вижу, милая с враждой ко мне пришла...

Следователь и начальник тюрьмы посмотрели друг на друга и пожали плечами. Видя перед собой простодушного, немного глуповатого парня, следователь переменил тон разговора.

— Знаешь, дорогой, — сказал он, — ты, как я вижу, простой малый. Если будешь отвечать нам искренне и прямо, мы отпустим тебя и поможем, чтобы твоя свадьба состоялась скоро. Даже сами на ней погуляем. Не так ли, господин начальник тюрьмы?

— Конечно, конечно!— подхватил тот.

— Я сделаю все что угодно, только отпустите меня, чтобы доставить лекарство бабушке. Ведь от этого лекарства зависит здоровье бабушкиной сестры, а от ее здоровья— моя свадьба...

— Так вот скажи: слыхал ли ты когда-нибудь о Камо?

— Как же, как же! Тысячу раз слыхал...

Окунув ручку в чернила, следователь спросил:

— И видел его?

— А как же мог не видеть? Ведь камо [1] едят и сырым и вареным, — ответил Камо.

— Не об этом тебя спрашивают, дурак, о другом Камо! — сердито закричал следователь.

— О другом? Ну, конечно, слышал! От нашей учительницы слышал: река такая — Камо... Кама... хорошо не помню.

— Он нас с ума сведет своей глупостью! Уведите его ради бога... Пусть идет по своему делу этот дуралей, — сердито сказал следователь, собирая со стола бумаги в портфель. Затем позвал полицейского: — Отведите его в участок, надо там проверить. Если его знают в квартале, пусть отпустят, а если нет, приведешь назад. Понял?

— Понял, ваше благородие, — ответил полицейский и потянул за рукав Камо. — Пойдем, господин жених...

— Обязательно приходите на свадьбу, я очень люблю высокопоставленных лиц, да и невеста обрадуется, увидя, что я знаком с такими большими людьми, — весело сказал Камо и вместе с полицейским вышел из кабинета.

Как только они вышли из тюрьмы, Камо обратился к полицейскому:

— Почему пешком? Не лучше ли на фаэтоне?

— Можно и на фаэтоне, — не отказался полицейский.

Камо позвал извозчика. Они сели и поехали. Проезжая мимо закусочной, Камо остановил фаэтон и предложил полицейскому выпить по стаканчику. Выпили, и не по одному стаканчику... Поехали дальше. По дороге Камо без устали болтал и расхваливал свою невесту. Его болтовня утомила захмелевшего полицейского, и он задремал.

Когда экипаж завернул за угол, Камо незаметно выпрыгнул из коляски, вошел в первую попавшуюся церковь, стал в тени колонны и начал молиться. Когда богослужение кончилось, он вместе со всеми вышел из церкви и поспешил к тете Лизе.

Увидев Камо, тетя Лиза очень обрадовалась, тепло поцеловала его и стала расспрашивать, как ему удалось так скоро освободиться из тюрьмы. Потом обеспокоилась и стала придумывать, где бы его спрятать. Накормила его и вспомнила об одной из своих верных подруг, богатой вдове госпоже Варсеник. У нее он мог быть в полной безопасности. Как только стемнело, тетя Лиза позвала фаэтон.

На Михайловской перед богатым домом их встретила высокая женщина с пышными волосами. Она расцеловалась с тетей Лизой. Тетя Лиза познакомила ее с Камо, вкратце рассказала его историю. Не приютит ли она его на несколько дней? Госпожа Варсеник согласилась. Тетя Лиза вернулась домой успокоенная.

Едва она ушла, как перед этим же домом остановился другой фаэтон. На звонок вышла горничная, вернулась и что-то прошептала на ухо хозяйке. Госпожа Варсеник немного смутилась.

— Кто приехал? — поинтересовался Камо.

— Мой знакомый... следователь.

— Следователь?!. — воскликнул Камо.

— О, это один из моих поклонников... иногда посещает меня,— покраснев, ответила госпожа Варсеник.

— Тем лучше, мне тут будет совсем безопасно, — сказал Камо.

Варсеник повела его в соседнюю комнату и, закрыв за ним дверь, пошла навстречу поднимавшемуся по лестнице следователю.

— Можно ли так опаздывать?

---

[1] Камо — грузинское название одной из съедобных трав.



Следователь, не ответив, вошел в гостиную и, кинув на стол туго набитый портфель, прилег на диван.

— Знаешь, какую шутку сыграл со мной этот негодяй Камо?

— Какую? — заинтересовалась Варсеник.

— Удрал!

— Как удрал?

— Прикинулся женихом...

— Женихом?..

— Да, обменялся одеждой с одним аптекарем.

— А что с аптекарем сделали?

— Как с остальными товарищами Камо. В карцер бросили.

— Карцер?..

— Через несколько дней их в живых не будет! Пусть тогда Камо хвастается... Прикажи накрыть на стол.

— Где же может быть сейчас Камо? — лукаво улыбаясь, спросила Варсеник. — Может быть, у сестры спрятался?

— Ну, что ты говоришь! Я таких сыщиков приставил к дому его родных, не ускользнет...

А Камо в соседней комнате ел присланный хозяйкой ужин и слушал этот разговор.

* * *

Когда полицейские розыски наконец прекратились, Камо вышел из своего убежища. Тридцать его товарищей все еще томились в Метехском замке. Камо побывал в Тифлисском комитете и приступил к делу.

Грозно выглядел Метех на высоком крутом берегу Куры. Камо днем и ночью вертелся вокруг замка, внимательно осматривая со всех сторон его стены. Если бы у Метеха не билось в груди самое черствое сердце, замок понял бы душевную бурю и терзания Камо, пожалел бы его, открыл бы двери своей каменной клетки и выпустил запертых в ней орлов. Но Метех, холодный, безжалостный, восседал на своем каменном троне, безразличный к человеческим страданиям, равнодушный к плачущим у его стен вдовам и сиротам.

Ах, эти слезы! Если бы они слились, могла бы образоваться полноводная река, в сравнении с которой даже Кура показалась бы ручьем.

Изгибаясь, как змея, Кура с двух сторон огибала крутое подножие замка, здесь подойти к нему было невозможно. С третьей стороны он выходил на шумную, оживленную улицу города. Отсюда он тоже был недоступен. Оставалась четвертая сторона. Она показалась Камо подходящей. С этой стороны в одном из домишек жила бедная, согнувшаяся от жизненных забот Бабѐ, с побуревшими, обветренными руками. Прачка Бабѐ тогда еще не была известна миру, но была известна Камо и его друзьям: она, маленькая и худенькая, была их матерью и сестрой. Домик Бабѐ был местом, где собирались честные сыны Грузии, люди, мечтавшие о том, чтобы в мире исчезлиназсегда нужда и горе.

Из хижины Бабѐ Камо и его друзья начали рыть подземный ход к основанию Метеха. Они незаметно в корзинах для белья выносили вырытую землю.

Нелегкое это было дело. Со стен тоннеля стекала вода, Камо с товарищами работал, полулежа в глинистой холодной жиже. Подкоп, по расчетам Камо, должен был выйти как раз под той камерой, в которой сидели тридцать два узника, участники сражения в Налаловке.

Работа была связана с тысячами трудностей и препятствий. Люди, рывшие тоннель, чтобы не вызывать подозрений, работали по ночам. И нужно было спешить.

Пришло время, когда работа подошла к концу. Сейчас трудно понять, как это было сделано, но Камо и его друзья в одну из прекрасных ночей вошли в камеру. Как встретили их узники, читатель может понять без авторского описания. Осторожно, друг за другом, они стали выбираться на волю по земляному ходу.

Вместе с ними освободился и Шаншиашвили, которого бросили в камеру смертников за то, что он помог бежать Камо.

Успешно освободив товарищей, приговоренных к смерти, и в ту же ночь разрушив до основания хижину Бабѐ, Камо скрылся. Старушку Бабѐ он устроил на другой квартире. Полиция взбесилась, поднялся неимоверный шум, но это был только шум, бесполезный шум.

Камо вскоре выехал в Финляндию. Там он впервые встретился с Лениным.

Перевел с армянского
А. ГЮЛЬНАЗАРЯНЦ.

РУМ И ЕГО СОЗДАТЕЛИ

Его глаза — светочувствительные фотоэлементы, уши — микрофоны. У него неуклюжие металлические пальцы и тяжелые ноги. Ростом он немного повыше человека, а вместе с тем обладает весьма солидным весом: 150 килограммов.

Зовут его РУМ — радиоуправляемый механизм. И, нужно сказать, он вполне оправдывает свое имя: быстро и послушно выполняет приказания, которые отдают по радио его создатели — участники радиокружка Чкаловской станции юных техников, Щелковского района, Московской области. РУМ слышит, то есть по звуковой команде двигается вперед, назад, налево, направо, останавливается; кроме того, по радиокоманде поднимает и опускает руки, сгибает их в локтях, берет пальцами различные предметы; он видит — устремляется к источнику света, и даже говорит — басовито произносит целую речь о своем происхождении и своих возможностях. Словом, несмотря на возраст — ему нет и года,— рòбот очень развит: выполняет более 20 различных операций.

Чкаловская станция юных техннов существует всего два года. Ученики 7—10-х классов, участники радиокружка, делали сначала все, что и полагается радиолюбителям: мастерили приемники, усилители. Руководитель кружка инженер И. А. Карабанов часто рассказывал ребятам о достижениях советской науки в создании радиоуправляемых механизмов. Вскоре кружковцам захотелось попробовать силы на этом поприще. Однажды кто-то из ребят предложил: «А знаете, давайте-ка сделаем радиоуправляемый рòбот».

Нечего и говорить, как понравилась всем его мысль. Немало потрудились кружковцы. Прочитали массу книг и статей, создали множество сложных схем: почти все конструкции и детали делали своими руками. Для того, чтобы представить, каким должен быть рòбот внешне, ребятам пришлось отыскать в кинохранилище старый, давно забытый фильм «Рòбот инженера Рипли, или гибель сенсации».

Наконец в январе 1957 года ребята впервые продемонстрировали рòбот на слете юных техников.

— Тогда он был еще очень некрасивый,— рассказывают кружковцы, — темно-серый. Ничего не слышал и говорить не умел. Надо признаться, оконфузил нас сильно. Когда включили прожекторы, он растерялся и стал вертеться из стороны в сторону, как будто не понял, какой источник света здесь самый главный.

Теперь рòбот уже не посрамит своих создателей. Все команды РУМ выполняет очень четко.

Рòбот показан на выставке технического творчества пионеров и школьников Московской области и пользуется там огромным успехом. Однако его конструкторы не считают свою работу законченной.

Пока еще рано выдавать авторские замыслы; можно только сказать, что большой, сложный труд чкаловцев пошел на пользу не только рòботу, но и самим ребятам. Кружковцы Юрий Андреев и Виталий Давыдов, поступив в этом году в институт, решили стать радиоинженерами. В выборе десятиклассниками будущей профессии, несомненно, весьма повинен РУМ.

Н. ВЕРИНА



— Сейчас РУМ двинется вперед,— объясняет посетителям выставки участник радиокружка Саша Богомолов.

Фото Ф. Короткевича.



14 ноября 1920 года Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская сфотографировались с крестьянами деревни Кашино, где в те дни была пущена первая сельская электростанция.

Б. ГАЛИН

Удивительной силой обладают эти ставшие документами истории обыкновенные фотографии. Их можно рассматривать часами: кажется, будто читаешь самую увлекательную повесть, созданную нашей советской жизнью.

Есть среди этой серии фотографий одна, скромная, неповторимая. Двадцатый год. Ленин среди крестьян, строителей первой в советской деревне электростанции. Эта встреча с народом в маленькой русской деревне Кашино вдохновила Ленина, и на VIII Всероссийском съезде Советов он вспоминал «электрический праздник» в Волоколамском уезде.

«На улице был устроен митинг,— говорил Владимир Ильич с трибуны съезда,— и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам,— продолжал Ленин.— Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов».

В маленьком кашинском почине проявилась самая драгоценная черта советской эпохи: творчество широких народных масс. Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным во всех своих начинаниях и планах, рассчитанных на многие годы упорного, самоотверженного труда, опиралась на могучую силу массового народного творчества. Великие планы рождали в народе великую энергию.

«...Надо увлечь **массу** рабочих и сознательных крестьян **великой** программой на 10—20 лет».

Это писалось Владимиром Ильичем в январе 1920 года.

Партия с первых дней Октябрьской революции учила трудовые массы мыслить крупными масштабами, видеть свое будущее, будущее Советского государства в самых реальных формах.

Советские люди на всех этапах социалистического строительства ощущают мощь ленинской энергии — огненной энергии, как выразился Г. М. Кржижановский. Она во всем, эта огненная энергия,— в наших планах и в их свершениях, в живом творчестве трудолюбивого народа.

Молодая республика воевала, отбивая яростный натиск интервенции, строила и училась. Мы многим обязаны скромным труженикам на фронте культуры — избачам, работникам ликбеза. Взгляните на фотографию: идут занятия по ликбезу. Учительница — молодая девушка-комсомолка в красной косынке. Милая,

И сегодня шумен Днепр на этом месте, но совсем по другой причине: с высокой плотины Днепрогэса стремительно срываются воды, которые вот уже несколько десятилетий служат человеку.

Здесь еще совсем недавно шумели и пенились днепровские пороги.

ТОК

Июнь 1930 года. У Казанского вокзала встречали москвичи первый трактор, собранный на Сталинградском заводе и присланный в подарок XVI партсъезду.



А вот продукция Сталинградского тракторного, возрожденного из руин после нашествия гитлеровских орд.

славная комсомолка! Ты, как и тысячи твоих сверстников, взяла на себя трудную, но благодарную задачу: учить людей грамоте, или, как в те годы говорили, ликвидировать неграмотность. Рядом с комсомолкой — старый человек. Он берет в свои натруженные крестьянские руки, быть может, впервые в жизни берет, карандаш. На его лице и смущение и радость: сейчас совершится что-то небывалое, на белый лист лягут первые буквы. Придет день, и буквы будут складываться в слова: «Мы не рабы. Рабы не мы».

Страна начинает строиться. Наше государство не идет ни на какие кабальные сделки с иностранным капиталом. Все большое, задуманное на многие пятилетия, строится на советские рубли. Где он, тот первый советский серебряный рубль, который был прислан Ленину в качестве образца, сделанного на заводе Главзолото? Это было 17 августа 1921 года. Первый советский серебряный рубль лежал на столе перед Лениным. Владимир Ильич сделал такую запись:

«1921. Серебряный **рубль.** Сохранить».

Сделанный рабочими руками, советский рубль дал нам возможность широким фронтом вести социалистическое строительство. Мы накапливали советские копейки и рубли, вводили жесткий режим экономии, вкладывая наши деньги в развитие индустриализации страны.

Время идет вперед. Партия намечает широкие планы развития тяжелой индустрии; на востоке создается вторая угольно-металлургическая база страны; закладываются тракторные, автомобильные, станкостроительные, металлургические, химические заводы... Наша страна вышла на широкий путь индустриализации. Как дороги нам первые стройки, первые шаги пятилеток! Турксиб. Днепрострой. Сталинградский тракторный. Нижегородский автомобильный. Магнитострой. Кузнецкстрой. Харьковский тракторный. Уралмаш. Челябинский тракторный... Эти стройки прочно вошли в нашу жизнь, в биографию молодого государства. Они стали координатами на пути социалистической индустриализации. Все это живет в памяти поколения тридцатых годов. Тогда казалось, вся наша страна размечена колышками на строительные площадки. Карты первых пятилеток были украшены флажками новостроек. Это была битва созидания. Стройплощадки на Днепре и на Волге были первенцами нашей



1928 год. Сколько пожилых и стариков, волнуясь, написали в те годы первые буквы и вывели многозначительное «Мы не рабы»!

1957 год. Иная судьба у внуков: для них открыты тысячи школ. Одна из них — средняя школа-десятилетка в деревне Жуковке, Московской области.



1926 год. Фотообъектив запечатлел три десятилетия назад этих ташкентских молодоженов.



А для Розы Султановой паранджа — только музейный экспонат. Как далеко ушла Роза от узбечки двадцатых годов! Султанова, студентка 5-го курса МГУ, снята в день свадьбы. Ее жених — артист Турсун Азизов.

года. Фоторепортер «схватил» момент: жених и невеста пришли зарегистрировать брак. В Ташкенте было это. Мы видим лицо жениха. Халат его подпоясан цветным кушаком. Рядом с ним невеста. Ее лица мы не видим: оно закрыто паранджой. Только рука женщины держит бумаги. Паранджа... С нею связан тяжелый, освященный веками, страшный обычай. Великая очистительная революция разрушила этот тяжелый быт восточной женщины. Это произошло не сразу. Пришлось вести борьбу, терпеливо убеждая, настойчиво пробуждая у женщины Востока человеческую гордость, пробивая женщине дорогу к новой жизни. И, глядя на снимки, невольно думаешь: а ведь этот трактор, вспахавший узбекское поле, проложил дорогу к новому быту, при котором женщина Востока смогла решительнее, смелее сбросить тысячелетнюю паранджу... Да будет благословен тот день, когда «Красный путиловец» создал советский трактор!

В те дни, когда в Москве начал свою работу XVI съезд партии, на Урале, у горы Магнитной, строители закладывали фундаменты будущего города и первой доменной печи. В котлован фундамента домны был зарыт такой исторический документ:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКТ

гор. Магнитогорск, 1 июля 1930 года
На 13-м году существования Советской власти
сего числа 14.000 рабочих по постройке
Магнитогорского металлургического гиганта
произвели закладку первой домны г. Магнитогорска».

пятилетки. Делегаты XVI съезда Коммунистической партии увидели первый трактор, сошедший с главного конвейера Сталинградского тракторного завода. Он был доставлен в Москву, этот первый трактор, как живое, реальное доказательство осуществимости самых широких планов, намеченных великой Коммунистической партией. Сталинградские тракторы были приравнены к снарядам, которые взрывают старый мир и прокладывают дорогу новому, социалистическому укладу в деревне. Они сражались, советские тракторы, они шли в бой за новое!

Еще только вынашивались планы Сталинградского тракторного, Ростовского сельмаша, Нижегородского автомобильного, а на полях советских уже работали первые «амовские» грузовики и путиловские тракторы.

Трактор поднимет и целину человеческого быта. Сколько еще в быту тяжелого, идущего от старого! Но ходом самой жизни старое будет отброшено, и на новой почве взойдут ростки нового быта.

Фотография двадцать шестого



Новинка лета 1930 года: первая партия грузовых автомобилей, собранных в городе Горьком.



1957 год. Очередная партия легковых автомашин «Волга», выпущенных Горьковским автозаводом.

Развернулась стройка гиганта металлургии в Сибири у города Кузнецка. Может быть, старые фотографии первых пятилеток восстановят в памяти ученого-металлурга И. П. Бардина одну страницу его жизни — тот день, когда, назначенный главным инженером Кузнецкстроя, он двинулся в Сибирь, на стройку. В канун отъезда главный инженер Кузнецкстроя встретился с В. В. Куйбышевым. Председатель ВСНХ читал в этот вечер беспартийному инженеру отрывки из «Былого и дум»:

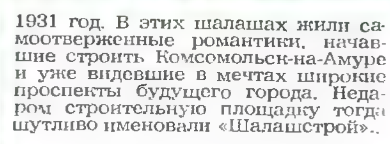
«Сибирь имеет большую будущность...»

Там, где обычный глаз видел тайгу, большевики и преданные партии беспартийные инженеры уже видели заводы, города, которые превращают Сибирь, Дальний Восток, Урал в мощные очаги индустрии, в новые центры культуры.

И сибирская стройка и уральская стройка — все это были шаги в будущее. Люди первых пятилеток хорошо помнят день и час, когда на домнах Магнитки и Кузнецка был выдан первый чугун. Вся страна была охвачена пафосом строительства и пафосом освоения. Темпы! Кажется, само время зажгло в сердцах народных масс это боевое, ударное слово. Вокруг темпов строительства разгорались страстные споры; одних — и таких было громадное большинство — высокие темпы индустриализации объединяли и вооружали в борьбе за новую жизнь, а других — врагов рабочего класса и партии — большевистские темпы приводили в содрогание, и они, кучка отщепенцев, пробовали сеять недоверие к силам народа. Но партия и народ решительно отбросили их прочь с дороги!

Великий художник пролетариата А. М. Горький в письме к рабочим Магнитостроя хорошо выразил глубокий смысл и значение большевистских темпов ин-

1930 год. На трассе Турксиба так прокладывались железнодорожные магистрали на заре пятилеток.



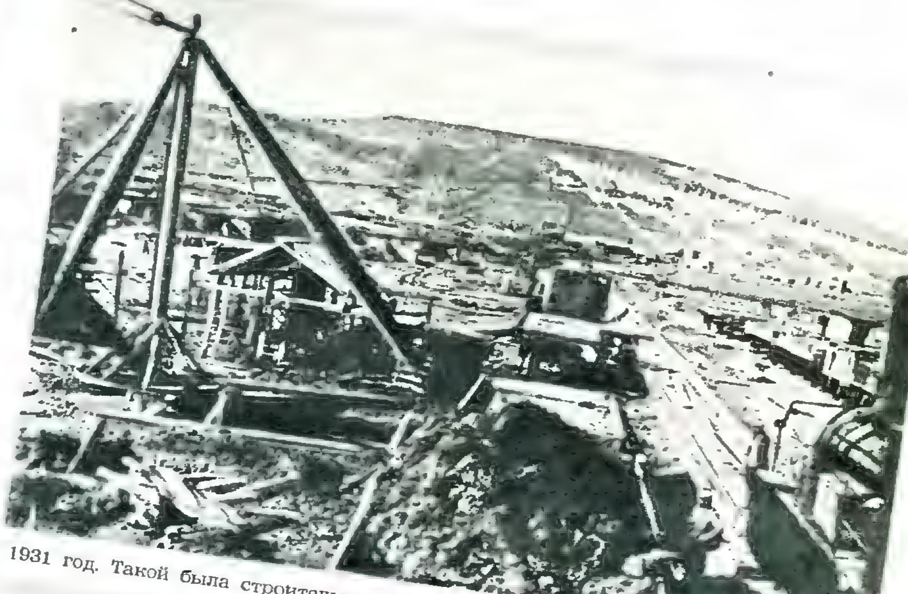
1931 год. В этих шалашах жили самоотверженные романтики, начавшие строить Комсомольск-на-Амуре и уже видевшие в мечтах широкие проспекты будущего города. Недаром строительную площадку тогда шутливо именовали «Шалашстрой».



1957 год. Мечты стали явью. Так выглядит Комсомольск-на-Амуре сегодня. На снимке — площадь В. И. Ленина.



1957 год. Мощный кран — один из многих механизмов, применяемых строителями железных дорог.



1931 год. Такой была строительная площадка будущего Кузнецкого металлургического комбината.

И вот как выглядит в 1957 году доменный цех этого гиганта

дустриализации. «Время для нас дорого,— писал он,— нельзя терять даром ни единой минуты: задачи, которые мы обязаны решить,— огромны; никогда еще, никто, ни один народ в мире не пытался поставить пред собою такие трудные цели и задачи, которые поставил и разрешает ра-



Буквально на своих плечах поднимало крестьянство в двадцатые годы дело электрификации села: 1925 год, подмосковное село Ботино, куда пошел ток Шатурской ГЭС.

бочий класс Союза Социалистических Советов».

Металл, руда, уголь, тракторы, автомобили, станки... Сводки выплавки стали и сводки добычи угля читались с живым интересом всем народом. Ведь с металлом и углем связана была вся советская жизнь, наши успехи на колхозных полях, рост культуры и просвещения. Наши успехи на фронте индустриализации вселяли радость и гордость в сердца рабочих всех стран. Коммунист из Франции Поль Вайян-Кутюрье видел Магнитку в пору ее строительства и писал в своих стихах:

Расстрелянные у стены
Пер-Лашез
Бойцы Парижской коммуны!
Мы вам приносим сегодня
венки —
Дар новой Коммуны:
Гигантские самолеты Москвы,
Тракторы Сталинграда,
Магнитогорский чугун,
Колхозных и совхозных полей
Струящиеся колосья.

В годы первых пятилеток капиталисты охотно торговали с нами, продавали станки, машины, твердо убежденные, что большевики не выдержат высоких темпов индустриализации, не справятся с новой техникой на построенных заводах. Они считали, что созданные нами заводы будут только складами машин. Сталинградский тракторный завод дал им первый и очень сильный предметный урок. С большевиками шутить нельзя! Капиталисты всех мастей жадно прислушивались к тому, что делается на новых советских заводах. Они называли СТЗ пробным камнем индустриализации. Капиталистическая печать Америки писала в те дни: «Сообщение о том, что Сталинградский тракторный завод фактически «скапутился», вызывает мало удивления». Они занимались «пророчествами», утверждая в своих злобных статьях, что завод не проживет и нескольких недель. Журнал «Кэндиен фарм Имельменте» в одной из своих статей так и писал: «Ввиду провала Сталинградского тракторного Советскому Союзу снова придется закупать тракторы за границей, и заграница их, может быть, не даст, дабы погубить советскую пятилетку».

Но погубить советские пятилетки не удалось! Народ строил и учился осваивать новую, передовую технику. На строительных площадках и в цехах заводов в упорном труде шла борьба за нового человека. Социалистический труд открывал перед нашими людьми широкую возможность воспитывать себя, как говорил Горький рабочим Магнитки, качественно иными, воспитывать в себе больше доверия к всепобеждающей силе разумного труда и техники, выкорчевывая из наших душ проклятую «старинку». «Мы хотим создать новое человечество и уже начали создавать его».

И в наши дни слуги империализма продолжают свою черную работу: печать, радио капиталистического мира тщатся очернить нашу действительность. Поражаешься унылому однообразию их «пророчеств». Казалось бы, жизнь должна кое-чему их научить! Но, как и тридцать и двадцать лет тому назад, певцы и защитники капиталистического строя сочиняют чудовищные нелепицы. И это говорится о народе, который первым проложил путь в космос, поднялся на вершины знания!

Не удастся бардам империализма скрыть от широких народных масс зарубежных стран живые факты успехов социализма в Советском Союзе и в странах народной демократии. Эти живые факты — лучшие пропагандисты и агитаторы за коммунизм. XX съезд Коммунистической партии открыл перед советскими людьми новые перспективы создания материально-технической базы коммунизма, воодушевил весь народ на борьбу за выполнение в исторически короткий срок задачи догнать и перегнать наиболее развитые страны капитализма по производству продукции на душу населения.

Жизнь идет вперед! Пройдут десятилетия, и дети нынешних строителей нового общества с волнением возьмут в руки фотографии наших дней и так же, как мы сегодня, будут пристально всматриваться в неповторимые черты великого времени. На фотографиях пятидесятых годов они увидят, наши дети, труды своих отцов и матерей: каскады электростанций на Ангаре и Волге, полеты искусственного спутника Земли, сверхмощные самолеты, новые очаги культуры, атом в мирной созидательной жизни. И за всем этим они увидят самое главное — наш суровый, прекрасный образ жизни. Они увидят советского человека и его шаги в будущее.



1957 год. Одна из многих сотен колхозных электростанций. Теньсюпинская межколхозная ГЭС на Рязанщине



Энтузиазм и мускулы были основными «механизмами» на линии нефтепровода Грозный — Туапсе в 1928 году.

1957 год. Совсем другие условия и темпы на «нитке» нефтепровода Туймазы — Омск.

Фото М. Альперта, А. Гостева, Г. Зельма, Б. Кузьмина, М. Савина, Г. Санько, С. Фридлянда, А. Шайхета и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов.



Солидарность в действии: рабочие и работницы народного предприятия ГДР во время конгресса передали подарки венгерским детям. Венгерская делегация сердечно благодарит своих немецких товарищей.

КОНГРЕСС МИЛЛИОНОВ

А. СЕРБИН,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.



Жерар Лемойн и Хассан Баллал.

...В один из августовских дней у ворот каждой фабрики текстильного комбината «Кантони», которые есть и в провинции Милан, и в Комо, и в Варезе, и в Удане, появились люди с плакатами: «Забастовка». Так 8 тысяч рабочих Италии начали борьбу за повышение заработной платы. Выдвинутое Всеобщей итальянской конфедерацией труда требование повысить заработную плату было поддержано всеми рабочими. К нему присоединились также местные организации демо-христианского и социал-демократического профсоюзов.

Первая забастовка продолжалась 24 часа. Через 15 дней фабрики комбината «Кантони» снова прекратили работу на сутки. Еще через 7 дней работницы и рабочие начали «неделю борьбы»: теперь каждый день работа на фабрике кончалась часом раньше.

Хозяева попытались внести раскол в единство рабочих. Они стали убеждать членов демо-христианского и социал-демократического профсоюзов, что забастовка выгодна лишь коммунистам. Но рабочие дали такой ответ: «При чем здесь коммунисты? Ведь профсоюзные организации выступают за повышение заработной платы. Мы хотим того, на что имеем право».

Единство не ослабело. На фабрике появились листовки, подписанные руководителями всех трех профсоюзных организаций комбината...

Об этом живом примере единства, сплачивающего трудящихся в борьбе, рассказывает Нандо Маджони, делегат Всемирного конгресса профсоюзов в Лейпциге.

— То, что происходит сейчас на фабриках комбината «Кантони», очень важно, — говорит он. — От исхода этой борьбы будет зависеть многое в развитии единства действий трудящихся нашей страны.

Конгресс в Лейпциге сам по себе является убедительным примером стремления трудящихся всех стран к единству. Более 105 миллионов человек 80 стран представлено на нашем конгрессе. Из этого числа 13 миллионов не входит во Всемирную федерацию профсоюзов. Но на конгрессе их голоса звучат как призыв к единству...

Здесь, на конгрессе, мы были свидетелями зарождения дружеских связей между молодым французом Жераром Лемойном и суданцем Хассаном Баллалом. Оба они работают в гражданской авиации радиооператорами.

— Осенью прошлого года, — рассказывает Хассан Баллал, — когда империалисты начали агрессию против Египта, рабочие всех суданских аэропортов забастовали. В небо суданской земли не поднялся ни один самолет. Рабочие требовали, чтобы империалисты прекратили агрессию против Египта.

— Неплохо сделали! — замечает Жерар Лемойн, выслушав этот рассказ. — Молодцы!..

Профсоюз, к которому принадлежит француз, согласно решению правительства, не имеет права бастовать. Но рабочие и в этих условиях ведут борьбу за свои права. Многие члены профсоюза не одобряют правительственной политики в Алжире, и профсоюз, как говорит Жерар, поддерживает этих своих членов.

Теперь Жерар и Хассан будут регулярно рассказывать друг другу о своей жизни. Они договорились провести свою следующую встречу в эфире. И, конечно, будут писать письма.

* * *

...15 октября. Последнее заключительное заседание IV Всемирного конгресса профсоюзов. С трибуны зачитываются резолюции — общая резолюция, которая говорит о задачах рабочего класса, манифест IV конгресса, обращение к трудящимся всех стран, декларация о мире и разоружении, о запрещении атомного оружия и другие.

— Кто за? — спрашивает председательствующий.

И каждый раз в зале вырастает лес рук — белых, желтых, черных. Нет таких, кто голосовал бы против, нет воздержавшихся. Такое единодушие каждый раз вызывает в зале бурную реакцию. Наспех, тут же в зале из газет и бумаги делают «конфетти», и бумажные листочки взлетают и падают вниз, как хлопья снега... Делегаты Саудовской Аравии, подбросив эти «конфетти», дуют вверх, чтобы заставить их держаться подольше в воздухе, французы сняли со стола скатерть и, положив в нее бумажки, подбросили их вверх, вызвав настоящую снежную бурю. Делегаты латино-американских стран, взявшись за руки, скандируют: «У-ни-дад! — Е дин-ство!». Этот лозунг подхватывает весь зал. И снова лавина аплодисментов...

Буря оваций перерастает в мощную торжественную мелодию пролетарского гимна. «Интернационал» поют все. Он звучит торжественно, как клятва.



Вечером на улицах Лейпцига.

Сочинская новинка

В Сочи по санаторным путевкам ежемесячно приезжает свыше десяти тысяч человек, а без путевок — в три — четыре раза больше. Нетрудно представить, какие усилия требуются от работников общественного питания города-курорта, чтобы образцово обслуживать отдыхающих.

Недавно в Сочи вступили в строй диетический ресторан, детское кафе, кафе рыбных, молочных, вегетарианских блюд. Столовые и кафе переведены на самообслуживание, что в два—три раза увеличило пропускную способность обеденных залов. Кроме того, построены недорогие летние павильоны, торгующие горячими закусками, молочными продуктами, прохладительными напитками по низким стандартным ценам.

Один из таких павильонов — на Верещагинском пляже. На фасаде, обращенном к морю, крупными буквами написано:

«Сосиска с булкой — 1 рубль.

Котлета с огурцом и булкой — 1 рубль.

Бульон с пирожком—1 рубль».

Что бы вы ни покупали, цена — рубль. Расчет с покупателем упрощен до предела, и на этом экономится масса времени.

— Это же здорово! — обращаясь к нам, говорит рижский железнодорожник Василий Иванович Мурзич. — Мы с женой завтракаем только здесь! Дешево, вкусно, быстро и... прямо на пляже! У нас в Риге не додумались до такого, а жаль!

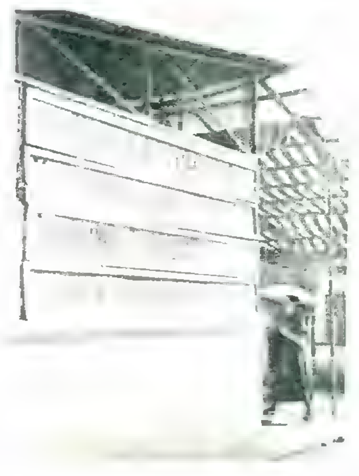
Каждый из пяти таких павильонов посещают в день от пяти до семи тысяч человек.

По опыту павильонов, округленные цены на все виды блюд и закусок ввели пельменная № 3 и кафе вегетарианских блюд. Пропускная способность их значительно увеличилась.

До пяти копеек цены округляются механически. Если разница превышает пять копеек, то в этом случае выдается различное количество продуктов, причем во вторых блюдах уменьшение или увеличение производится лишь за счет гарниров.

И еще одна новинка: ресторан морского вокзала организовал продажу специальных дорожных пакетов с набором продуктов питания на два—три дня. Если предлагаемый ассортимент не удовлетворяет покупателя, пакет комплектуется по желанию. На это уходит всего-навсего десять — пятнадцать минут.

И. ЗАЙЦЕВ





«Дано сие солдату Кобозеву И. С. в том, что он прикомандирован на работу в Скобелевский просветительный комитет для производства фотосъемок издательского отдела и киножурнала «Свободная Россия».

Начальник — поручик В. И. Дементьев».

Документ этот, датированный 15 сентября 1917 года, уже несколько недель лежал в моем кармане, и я не предполагал, что он послужит делу революции, поможет мне выполнить ответственное задание партии.

Но вот утром 24 октября (по старому стилю), едва я пришел в Военно-революционный комитет Рождественского района Петрограда, ко мне подошел председатель комитета Владимир Николаевич Мещеряков:

— Есть важное поручение от товарища Свердлова: провести разведку у Зимнего... Покажи-ка твою бумажку. Так...

Мещеряков на минуту задумался, потом спросил:

— Не видал ли ты кого-нибудь из кинохроникеров сегодня на улицах?

— Нет, — ответил я, — никто не снимает нынче. Все перепугались, сбежали из Петрограда. Один только Модзилевский как будто в городе.

Модзилевский, беженец из Польши, был известен мне сочувственным отношением к большевикам. У него, как и у других операторов кинохроники, я работал помощником, снимая митинги, демонстрации и другие политические события тех бурных революционных дней. Теперь мы с Мещеряковым решили привлечь его к выполнению задания Якова Михайловича Свердлова.

Отправляюсь на Мытнинскую, где живет Модзилевский. Всюду на улицах безлюдно, перепуганные обыватели сидят по домам. Долго стучусь в парадное, потом в квартиру. Без конца меня переспрашивают встревоженные голоса: «Кто такой?», «Что нужно?», «Зачем пришел?». К счастью, наконец удалось пройти к Модзилевскому. С места в карьер начинаю агитировать его:

— Едемте снимать, дружище, подработаем хорошо. Да вы и не из трусливых!

— Рискованно... — сомневается Модзилевский. — В пекле, которое сейчас начинается, легко голову потерять.

Но я продолжаю настаивать, даже привираю чуточку:

— Такие негативы у нас будут брать нарасхват. Джон Рид уже обещал купить все, что мы снимем.

Поколебавшись, Модзилевский все-таки согласился, и мы отправились на съемку, взвалив на плечи неуклюжую, громоздкую аппаратуру фирмы «Братья Патэ», захватив оказавшийся под руками весьма скромный запас пленки.

И. С. Кобозев. Снимок 1916 года.

Забегаю по дороге к В. Н. Мещерякову, получаю от него дополнительное задание — сейчас же побывать в Смольном, повидаться со Свердловым. На Суворовском проспекте, на наше счастье, подвернулся извозчик. Посулив большие деньги, удалось нанять его на весь день для разъездов по городу.

И вот первый пункт нашего маршрута — штаб восстания в Смольном. За оградой броневики с солдатами. Приглядываюсь, вспоминаю свои съемки во время разгона июльской демонстрации, вижу знакомые лица. Оказывается, та самая часть, которую Керенский посылал разоружать революционно настроенных пулеметчиков и матросов, теперь, после тесного общения с большевиками, осознала свои ошибки и сама перешла на сторону восставших.

Сколько метких острот, соленых солдатских частушек наслушались мы тут по адресу Временного правительства и его главы «Сашки-канашки», собравшегося в поход на манер Мальбрука!

В разгар киносъемки во дворе Смольного в ворота въехал огромный бронеавтомобиль «Илья Муромец», вооруженный трехдюймовой пушкой.

— Ура!.. Молодцы! Прибывает нашего полку! — кричали солдаты и красногвардейцы, бросаясь навстречу броневику.

Оставив Модзилевского во дворе, я вошел в здание Смольного, где в это время заседали фракции предстоящего II Всероссийского съезда Советов. Близ комнаты президиума ЦИКа, находившегося тогда в руках соглашателей, повстречались мне Чхеидзе, Дан и Церетели, явно расстроенные.

Позднее, когда я уже побывал у Я. М. Свердлова и он уточнил мне задание по разведке обороны Зимнего дворца, из подъезда Смольного вышел Церетели в черной шляпе, с портфелем в руках. Злобно глянув на красногвардейцев и солдат, он пробурчал что-то под нос и, еще ниже надвинув шляпу, зашагал к закрытому автомобилю. По моему знаку Модзилевский повернул в ту сторону аппарат, но снять ничего не успел: заметив нас, Церетели прямо-таки нырнул в машину и резко захлопнул дверцу. Автомобиль быстро покатил, увозя разгневанного бывшего министра Временного правительства.



Красногвардейцы и солдаты бронедивизиона во дворе Смольного. Снимок сделан 24 октября 1917 года.

Засняв общий вид Смольного, красногвардейцев на карауле, де-

легатов II съезда, прибывающих для регистрации, тронулись в путь и мы на своей пролетке. Было это 25 октября около полудня.

Ехали медленно. То и дело настегивая тощую лошаденку, извозчик жаловался на жизнь, рассказывал о родной деревне Тверской губернии, о том, как хотели мужики взять барскую землю, да угодили за это в тюрьму.

И на Суворовском, и на Знаменской площади, и на Невском — всюду на нашем пути трамваев не было и в помине. Редкие пешеходы, озираясь, спешили укрыться в подворотнях. Все парадные подъезды были заперты. У богатых домов несли охрану какие-то неплохо вооруженные господа — патрули так называемой «общественной безопасности».

Попадались иногда навстречу конные и пешие вооруженные группы, по всей видимости, разведка, но с чьей стороны, неизвестно. Ближе к Дворцовой площади извозчика остановил казачий разъезд:

— Предъявите документы.

— Пожалуйста.

Модзилевский, поеживаясь, шепнул:

— Запахло порохом. Может, лучше обратно, а?

— Что вы, батенька, такой материал для съемки упускать! Да разве можно?

Необычно выглядел под хмурым осенним небом Зимний дворец, окруженный цепями юнкеров. Перешептывание доносилось из толпы стоявших неподалеку щеголеватых молодых людей — буржуазные сынки с явным сочувствием глазели на защитников дворца.

Едва я поставил аппарат на штатив, как к нам подбежал подполковник в сопровождении пяти юнкеров:

— Не снимать! Кто такие?

Пока подполковник внимательно изучал мандат Модзилевского на право съемок, выданный заместителем военного министра, я начал рассказывать юнкерам о киножурнале «Свободная Россия», издающемся Скобелевским просветительным комитетом, о деятельности этого учреждения, созданного Временным правительством.

— Выясню у высшего начальства, — сказал наконец подполковник и, забрав наши документы, пошел вместе с адъютантом к дворцу.

Тем временем юнкера, заинтересовавшись нашей камерой, начали расспрашивать про технику съемки и обработки кинолент. Я показывал им, как выглядит Зимний дворец в кадре.

Примерно через полчаса возвратился адъютант с документами:

— Снимать разрешено!

Едва мы успели заснять на кинопанораму Зимний и соседние с ним здания, как со всех сторон нас окружили защитники этой последней цитадели Временного правительства — юнкера и так называемые «ударницы» женского батальона. Бросив разбирать штабеля дров, заготовленных для отопления дворца, забыв о постройке баррикад у его подъездов, они так и лезли под аппарат. Не прочь были попасть на пленку и господа офицеры. Но особенно старалась «женская гвардия» Керенского. Одетые в солдатскую форму, легкомысленные девицы изо всех сил прихорашивались, мазали помадой губы, чернили брови, выпускали кудри из-под фуражек.

— Уж вы постарайтесь, получше снимите нас. Мы вам за карточки сколько угодно заплатим...

Словом, видно было по всему, что своим прямым делом — обороной Зимнего — рядовые его защитники интересуются мало. Шум, суматоха вокруг нас поднялась такая, что было вынуждено вмешаться высшее начальство — главарь обороны Зимнего Пальчинский и командующий войсками Петроградского военного округа Полковников. Подойдя к нам, они начали распекать офицеров, юнкеров и «ударниц», а мы с Модзилевским старались изо всех сил возобновить прерванную было съемку.

И Пальчинский, и Полковников, и юнкера, маскировавшие пулеметы у подъездов дворца, и баррикады из дров с амбразурами для стрельбы — все это попало в наш объектив. Потом, оставив Модзилевского продолжать съемку на площади, я пошел выбирать новую точку, чтобы запечатлеть с высоты арку Главного штаба. Подпоручик Максименко — ему приказали сопровождать меня — отлично знал расположение всех огневых точек в Зимнем. Весьма словоохотливый человек, оказавшийся к тому же фотолюбителем, он рассказывал о своих фронтовых съемках, консультировался со мной, как лучше проявлять и печатать негативы. А я — услуга за услугу! — подробно расспрашивал его о готовящейся обороне дворца. Отличные разведданные!

Пока мы с Максименко обошли вокруг Зимнего, побывали на четвертом этаже Главного штаба, я насчитал двадцать два пулеметных гнезда и хорошо запомнил их расположение. Артиллерийских орудий у Зимнего в то время еще не было.

Короткий осенний день приближался к концу, когда я вернулся к Модзилевскому. Он был явно недоволен моей задержкой:

— Снимать уже поздно, темно, пора по домам.

Офицеры, юнкера и «ударницы» на прощание снова окружили нас, забросали вопросами: увидят ли они на экране себя, где и когда?

— Обязательно увидите, господа, — успокоил их я, — следите за киножурналом «Свободная Россия».

Поблагодарив за съемку, офицеры даже предложили нам воспользоваться их автомашиной. Но мы отказались, ограничившись помощью юнкеров, перенесших киноаппарат и треногу к извозчичьей пролетке.

Едва тронулась наша кляча в обратный путь по Невскому, как затрещали винтовочные выстрелы. Начинались бои между красногвардейцами и войсками Временного правительства. Мы повернули в объезд, кружным путем, но и тут, проезжая мимо Центрального телеграфа, попали под обстрел. Перепуганная свистом пуль, раненная в заднюю ногу, наша лошаденка была вся в мыле, а извозчик ругался поистине, «как извозчик», когда мы наконец добрались до Лиговки. Щедро расплатившись с возницей «керенками» и распрощавшись с Модзилевским, я зашагал дальше пешком, в Инвалидный дом Скобелевского комитета, где я жил тогда. Отдав проявить пленку надежному товарищу, лаборанту, я поспешил в Смольный.

Был уже вечер, когда В. Д. Бонч-Бруевич помог мне разыскать Якова Михайловича Свердлова. И вот в комнате Военно-революционного комитета я докладываю о результатах разведки. То и дело слышатся возгласы одобрения, смех товарищей:

— Молодец! Ловко провел господ офицеров.

И тут же по заметкам в моей записной книжке наносились на карту сведения о расположении обороны Зимнего.

Нужно ли говорить, как я был счастлив, выполнив боевое задание родной партии! В этот же вечер я узнал, что в Смольный прибыл Владимир Ильич. Великий вождь стал у руля Октября, повел нас, солдат революции, на штурм.

Литературная запись
С. МЕСЯЦЕВА.



У Зимнего дворца.



Участники штурма Зимнего. Снимок сделан 26 октября (8 ноября) 1917 года в первой половине дня, после взятия Зимнего дворца.



Выставка картин на пустыре

ОСЕНЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

В. КОЖЕВНИКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Лыткина

Завтракаем мы обычно в кафетерии-автомате Хорн и Хардат на 42-й улице. Сюда приходят не для того, чтобы посидеть, поговорить,— только поесть, не поднимая глаз от подноса. Едят сосредоточенно, блюда выбирают по вкусу и средствам. Посетители кафетерия — люди, живущие своим трудом. Это скромно одетые, озабоченные люди, молчаливые, неулыбчивые. Зато за всех них много улыбаются актеры в Голливуде, изображая простых американцев в облике веселых гуляк с ночного Бродвея. Посетители кафетерия терпеливо ждут, пока мы с помощью немногих английских слов выбираем блюда и расплачиваемся в кассе. Но они не расспрашивают нас: им некогда быть любопытными.

Пустую посуду со столов собирают негритянки, мулатки и пожилые белые женщины. Обслуживающего персонала мало, а посетителей много — нужно обладать проворством и выносливостью, чтобы к ночи не ронять сальных тарелок из рук.

Мое внимание привлекла согбенная женщина, устало волочашая ноги. Она с усилием толкала перед собой тележку для сбора пустой посуды.

Когда она приблизилась к нашему столу, мы помогли собрать с него посуду, не только из естественного желания ей помочь, но и для того, чтобы скорей освободить стол. Но женщина очень странно отнеслась к этому. Сначала она растерялась, потом на лице ее появилось волнение, и, наклонясь к нам, она спросила шепотом:

— Русские?

Сама она не походила на русскую. Смуглая, с черными, иссеченными сединой волосами, горбоносая, с синеватыми губами, изможденная, усталая и скорбная, она казалась безмерно несчастной.

— Откуда вы?

Она, не понимая нашего вопроса, покачала головой. Я показал на себя пальцем и сказал: «Москва».

Женщина сделала то же и произнесла, волнуясь:

— Будапешт.— И в глазах ее появились слезы.

— Вы венгерка, да?

Она закивала головой и попыталась улыбнуться нам.

Мы попытались продолжить разговор, но женщина не говорила ни на каком языке, кроме венгерского.

Кто она, как попала сюда?

Мы спросили об этом уборщицу посуды, негритянку. Та сказала:

— О да, это венгерка. Но она не служит у нас. Моя подруга-негритянка позволила ей поработать за себя в воскресенье, чтоб самой поехать на Лонг-Айленд. Их тут много таких, голодных из этой страны.

Вот и все, что мы узнали об этой женщине. Когда мы уходили из кафетерия, венгерка подкатила тележку для посуды к самым дверям и печально и скорбно улыбнулась нам. Она подошла к дверям только для этого. Может быть, хотела что-то сказать, пожаловаться, попросить о помощи. Руки ее были так худы, что она все время поправляла обручальное кольцо, чтобы оно не свалилось с пальца..

Позднее мы встретили в Центральном парке еще двух венгров, деликатно просивших подаяние. Сколько людей ввергла в несчастье американская политика подрывных действий!

Я иду по шумной улице к остекленной призме здания ООН, где у входа развеваются флаги большинства наций, населяющих нашу планету. Сюда ежедневно приходят тысячи американцев в качестве благоговейных экскурсантов, верящих в силу разума человечества, в мощь его доброй воли.

И мне вместе с ними тоже хочется верить, что сила разума и справедливости победит, что наступит время деловой дружбы между нашими великими народами. Их разделяет не столько обширное пространство соленой воды, сколько ледяная температура холодной войны, искусственно создаваемая целым сонмом безответственных политиков. Хочется верить, что доверие простых людей друг к другу растопит эти ледяные преграды...

* * *

В это утро Нью-Йорк залило сплошным, серым, скучным теплым дождем. Сырой ветер с океана с силой швырял дождевые полосы о стены зданий. В моей крохотной комнате стекла в черных железных рамах дребезжали, и возникало ощущение, словно находишься внутри маяка.

Было еще очень рано, когда раздался телефонный звонок и неведомый американский студент предложил послушать записанный им по радио голос советского спутника Земли.

Так, несмотря на пасмурную погоду, приятно начался и этот день в Нью-Йорке. Помня о приглашении американского политического обозревателя, я пошел в Дом новостей посмотреть на американскую модель спутника Земли, благо это оказалось совсем недалеко. В вестибюле огромный глобус, на стенах бронзовые циферблаты часов, указывающие время в разных точках земного шара, географические карты обоих полушарий, обклеенные бумажками с краткими текстами о последних событиях. А в уютной тиши стоит прозрачный шар, размером с футбольный мяч, свинченный по радиусу никелированными винтами. На его поверхности торчат металлические спицы, а внутри находится столбик из разноцветных пластинок.

Конечно, советскому спутнику Земли было бы веселее путешествовать в пространстве рядом с американским собратом, который внес бы свою лепту в развитие мировой науки. Но, как говорится, на нет и суда нет.

Когда журналисты осведомились у господина Лоджа о его впечатлениях по поводу советского спутника Земли, господин Лодж глубокомысленно ответил, что он занимается только политикой, не обладает техническими познаниями и поэтому ничего на такой вопрос ответить не может. Как видно, господин Лодж забыл, какую бойкость еще совсем недавно он обнаружил на трибуне ООН, рассуждая о различных усовершенствованиях атомных бомб...

К чему скрывать, на американском материке даллесовская политика создала для советских людей климат с резко пониженной температурой. Но в эти дни мы ощутили, как на нас пахнуло человеческим теплом; сотни незнакомых американцев, узнав, что мы русские, жали нам руки и чистосердечно поздравляли с величайшей научной победой. Нас приглашали к себе в дом незнакомые люди и показывали самодельные схемы полета советского спутника Земли. Народ Америки отверг слово «сателлит», успевшее ему омерзеть в неутомимых устах господ Лоджа и Даллеса. И теперь все американцы, как и печать США, пользуются русским словом «спутник» — «Рашен спутник».

В «Нью-Йорк пост» Джозеф Лош приводит высказывания главы делегации одной из западных стран: «Было бы чудесно, если бы президент Эйзенхауэр прибыл на Ассамблею, поздравил русских с их достижением и провозгласил, что в интересах выхода из тупика по вопросам разоружения США безоговорочно прекратят испытания термоядерного оружия». Таковы здравые голоса некоторых политических деятелей Запада...

Директор американского института физики Элмэр Хатчинсон объясняет причины отставания американской науки тем, что молодежи не прививают вкуса к физике и математике.

К нашему удивлению, мы узнали, что во многих школах США не преподают ни физику, ни математику. И в печати приводилось в качестве примера блистательного образца американского образа жизни и мышления высказывание одного ученика, который заявил:

— У нас свобода, и никто не смеет нас принуждать, как в СССР, учить математику и физику!

В американских ученых кругах высказывается серьезное недовольство тем, что США до сих пор только ввозили к себе ученых из Европы и не были озабочены подготовкой собственных специалистов. То, что вес советского спутника Земли превосходит в 8,5 раза вес предполагаемого американского, ученые США считают величайшим чудом и необъяснимой загадкой. Почти всюду по США происходят сейчас форумы молодежи, и на них дается информация о советском спутнике Земли. Находящийся здесь советский ученый А. А. Благонравов выступил перед телезрителями с беседой о спутнике. Его заявление о том, что СССР намерен запустить в небо и такой спутник, который затем вернется невредимым на Землю, произвело ошеломляющее впечатление. В часы этой телепередачи протиснуться к телевизору в вестибюле гостиницы было невозможно. И снова множество американцев жали нам руки, поздравляли и говорили с волнением и надеждой: «Надо, чтобы наши политические боссы поняли, что с Россией следует дружить, а не ссориться!».

Вчера в здании ООН экскурсовод-девушка по требованию экскурсантов показывала места, где сидят делегаты «той страны, где делаются искусственные луны». По Нью-Йорку сейчас ходит поговорка: «Если американец один, то он только думает о советском спутнике, но если их двое, то они говорят о нем так громко, что слышно на трех улицах». Но говорят не только на улицах Нью-Йорка. «Нью-Йорк таймс» напечатала отклики со всего мира под заголовком «Мировые газеты видят, что Советы отняли у США первенство в науке...». Особняком стояло лишь сообщение из Дели; в нем говорилось, что запуск советского спутника улучшил репутацию США в Индии, так как... полностью отвлек внимание индийского народа от событий в Литл-Рок.

По-своему откликнулось и министерство обороны США. Оно объявило, что «в целях экономии на военных заводах прекращается выплата рабочим сверхурочных».

И совсем уж комедийно звучат жалобы некоторых органов американской печати, что запуск советского спутника создал трудности для антисоветских выступлений в ООН, по крайней мере на ближайшее время. По этим причинам «политическая антисоветская кампания по венгерскому вопросу, а также и другим вопросам утрачивает всякое значение». Не эти ли жалобы побудили одного чикагского обывателя, некоего мистера Мэнчэну, заявить: «Я не выдавал СССР права на пролет над моей фермой и протестую»? Кстати, этот протест официально принят местными властями...

Все человечество отмечает сейчас начало новой эпохи. Американский народ, как и народы других стран, видит в советском спутнике вестника мирного творчества и новых величайших возможностей научных открытий, которые сделают жизнь на земле просторней, лучше. Ведь это же американец сказал, что «к союзу звезд в небесах теперь присоединилась еще одна звезда — красная звезда кремлевского изделия».

* * *

В субботний день, досыта наглядевшись с южной оконечности Манхеттена на слабо темнеющую в пепельной мгле тяжеловесную тушу «памятника свободы», мы отправились на Уолл-стрит, чтобы запечатлеть в памяти это знаменитое капище американских капиталистов.

В узкой, сумеречной улочке, кривой и короткой, почти не было прохожих, и только со стен коренастых зданий мраморные и бронзовые плиты сообщали имена тех, кто управляет Америкой.

Из отверстий, примыкающих к панелям тротуаров, курился пар теплоцентрали, было тихо и сиротливо на этой улице большого бизнеса. Толстые стальные решетки округло выпирали из нижнего этажа банка, придавая ему сходство с тюрьмой, а полицейские, стоящие в подъезде со скрещенными на груди руками, усиливали это сходство.

На Уолл-стрите в эти субботние часы уже никто не работал, и только старик с лицом профессора, в сильно изношенной спецовке и роговых очках, усердно и одиноко починял мостовую.

Закат солнца в центре Манхеттена заставляет человека думать, будто он находится на дне ущелья. Вершины зданий освещены солнцем, в то время когда в нижних этажах зажигается свет.

Но вечером небоскребы необитаемы и гаснут, когда кончается работа в конторах, которыми они начинены.

Брусья небоскребов создают силуэт города. Но для того, чтобы видеть их, приходится задирать голову, как гусь, когда он глотает пищу. Так можно делать в первый день приезда, но потом это надоедает. Ньюйоркцы не видят своих небоскребов. Они ходят по коридорам улиц, не думая о том, что торчит у них над головой.

...В Вашингтон-сквере на железных решетках забора вывешены на продажу картины художников. Весь примыкающий к скверу пустырь огорожен их картинами.

На этом рынке подчас продаются произведения действительно даровитых художников. У одного мы видели диплом и медаль, которой он удостоился на какой-то выставке за одну из своих картин.

Мы беседовали с художниками Одни говорили, что гордятся такой рыночной свободой торговли искусством. Другие, смущенно пожимая плечами, признавались:

— Надо же чем-то жить!

Третьи заявляли с гордостью:

— Мы выставили свои произведения не ради наживы,— и объясняли, что живут писанием реклам, декоративной росписью стен, а иногда и просто малярной работой в богатых домах меценатов.

А один, торгующий странными пятнами на полотне, заявил с доблестью, что он противник метода социалистического реализма, и хотел с нами спорить. Но мы посоветовали ему обратить свой полемический пыл против того, что понуждает его торговать на улице.

Чувство печали оставил этот рынок под открытым небом...

Нижние западные улицы почти не освещаются. Из открытых дверей баров несет сивухой. Здесь, не закусывая, люди настойчиво накачиваются спиртным и потом бредут по тротуару, шатаясь, вытирая плечами стены домов. Сосредоточенные, угрюмые, пьяные. Улица за улицей. Словно тысячи тяжело больных выпущены из госпиталей.

Зрелище удручающее.

И совсем не так далеко отсюда граненый ствол Эмпайр стейт билдинг — символ американской мощи и процветания.

Но самое тяжелое впечатление оставляют подростки, толкающиеся у входа в бары.

Тщедушные мальчики в коротких куртках, с намасленными головами и девушки в узких брюках, с глазами, грубо обведенными черной краской. Они лениво приплясывают на тротуаре и внимательно осматривают каждого выходящего пьяницу...

По словам комиссара нью-йоркской полиции, число арестов малолетних преступников увеличилось на 13,6% по сравнению с тем же периодом прошлого года и на 41,3% по сравнению с первым полугодием 1955 года.

Подростки моложе 16 лет за 6 месяцев этого года совершили 5 480 преступлений: 9 убийств, 526 крупных грабежей, 1 067 грабежей со взломом...

В качестве меры пресечения преступности среди несовершеннолетних генерал Кларк предложил создать лагерь для мальчиков при каждом военном учреждении США.

Концентрационные лагеря для несовершеннолетних? Действительно, такая мысль может прийти в голову только человеку, за плечами которого стоит огонь разбойничьей войны против Кореи!

На углу 42-й улицы возле забора, ограждающего стройку, сидели четверо рабочих в железных касках и ужинали, запивая хлеб молоком из картонных коробок. Это были крепкие парни с тяжелыми руками тружеников.

Мы часто и подолгу смотрим, как чисто и быстро американские рабочие собирают здесь каркас нового небоскреба. Один из рабочих, видно, признав в нас «постоянных зрителей», спросил, кто мы. С этого начался разговор. Они похвалили наш «ТУ-104», а мы — то, как ловко на крохотном участке без помех собирается огромное здание. Они спросили верно ли, что Хрущев хочет дружбы с американцами и желает перекрыть Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения. Выслушав наш ответ, пожилой рабочий с глубокими морщинами возле угрюмых губ проговорил громко:

— Так какого же дьявола тогда наши не могут договориться с вашими! — И добавил сердито: — Я своими руками сваривал балки, когда строили здание Объединенных наций. Думал: как построим, сразу найдется место, где люди смогут договариваться.—Он недоуменно развел руками, выпачканными ржавчиной, и закончил горько: — Не договариваются!

Из ворот стройки вышел человек в черной фуражке и с железным жетоном на куртке и учтиво попросил нас прекратить разговор с рабочим, если мы не хотим, чтобы его уволили с работы.

Поспешно попрощавшись с рабочими, мы ушли, чтобы не нарушать американских правил общения с чужестранцами...

Нью-Йорк.
14 октября



В зале заседаний ООН



На Бродвее. «Великан» зазывает зрителей.

В мастерских художников

В Москве, в здании Манежа, в дни 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции откроется юбилейная Художественная выставка. Корреспонденты «Огонька» побывали у художников — будущих участников этой выставки.

МОСКВА СЕГОДНЯ

Константин Федорович Юон уже в течение полувека каждое лето уезжает из Москвы в живописное местечко Лихачево. Но в этом году надолго расстаться с московской мастерской он не смог: здесь картина, которую он готовит к 40-летию Октября. Картина почти готова, но что-то еще надо поправить, где-то тронуть кистью.

— Нужно делать так,— говорит Константин Федорович,— чтобы ни одна деталь не оставляла зрителя неудовлетворенным. Ведь вот посмотришь на творения старых мастеров — и диву даешься, как они могли все так удивительно заканчивать и вместе с тем не утрачивать главного в картине и добиваться свежести живописи. Что скрывать, мы иногда забываем об этих замечательных традициях... И еще: со временем все недостатки произведения становятся все более очевидными для всех, а хорошие качества живописи как бы усиливаются. Красота искусства отличается умением не стареть.

Один из старейших советских художников ни на минуту не прекращает напряженной деятельности: большая общественная работа, беседы с молодыми художниками. У него есть чему поучиться молодежи. Когда Константин Федорович начинает говорить об искусстве, глаза его теплеют, становятся совсем молодыми.

Сдернут холст с картины, и Константин Федорович рассказывает. Ему давно уже хотелось написать новую Москву, хотя он уже много раз писал и Москву и москвичей. На его глазах менялся облик города, менялись и люди.

— Я взял эту тему для картины к юбилейной выставке, так как она дает возможность говорить о многом — и о великих преобразованиях, которые происходят в нашей стране, и о светлом облике советского человека, его внутреннем мире, целях, стремлениях...

И вот перед нами все великолепие нового лица нашей столицы. Чудесное место и время выбрал художник. Вместе с ним мы любуемся Москвой с самого высокого места — Ленинских гор. Великолепная панорама перед глазами: Москва-река, одетая в гранит набережных, огромный стадион в Лужниках, высотные здания, поблескивающие на солнце купола Кремля. Конец мая. В этой картине все — и пейзаж и люди — молодо. Забываешь о том, что писал ее 82-летний художник.



К. Ф. Юон

ПЕТРОГРАД В 1917-м

Бурные дни революции. Город на осадном положении. По набережной Невы, чеканя шаг, идет рабочий патруль. Их двое, и они такие разные, эти люди,— молодой матрос-балтиец и умудренный жизненным опытом старый рабочий. Высокая одухотворенность образа, богатый внутренний мир, тонко переданные художником, делают этих людей олицетворением многих безвестных героев революции.

Эта скульптурная группа — работа Андрея Петровича Файдыша. Мы застаем его в саду, рядом с мастерской. Большую часть сада занимает огромный навес. Внутри затянутая брезентом четырехметровая статуя Циолковского: скульптор выполнил ее для памятника в Калуге.

— Сейчас мне особенно хочется работать,— говорит Андрей Петрович.— Радостно сознавать, что наша партия такое большое значение придает изобразительному искусству. Но почетные задачи, которые возлагаются сейчас на художников, обязывают ко многому. В последнее время у некоторых молодых художников происходила серьезная путаница понятий. Эта путаница проявлялась и в некоторых выступлениях на собраниях художников и зачастую в их работах. Путь советских художников ясен и прям: мы должны работать для народа. В нашей стране художники свободны в своем творчестве, все наши помыслы и побуждения направлены к чудесной аудитории— к советскому народу.

Короткая передышка кончилась, и скульптор опять в мастерской. Нужно заканчивать бюст матроса-потемкинца, который Файдыш тоже хочет показать в дни юбилея.



А. П. Файдыш.

БОЛЬШАЯ ТЕМА

Последнее время двери мастерской Бориса Владимировича Иогансона открываются очень рано — ровно в семь утра. Час на обед, час на отдых, а потом опять в мастерскую. И даже когда темнеет, он еще здесь.

Автор картин, ставших советской классикой,— «Допрос коммунистов» и «На старом Уральском заводе» — воодушевлен теперь своей новой, большой, благородной темой. Тема, которую выбрал художник, очень ответственна и сложна: «Выступление Ленина на II съезде Советов. Провозглашение Советской власти». Картина эта огромных размеров — 4 × 2,65 метра. Работы еще много, а времени так мало...

— В искусстве, как и в жизни, Коммунистическая партия и народ неразрывны, — говорит Борис Владимирович.

Эту живую связь партии и народа Иогансон всегда стремится показать на своих полотнах. Вот и сейчас, глядя на новую картину, мы ясно видим по лицам людей, слушающих Ленина, что вождь выразил самые их горячие помыслы, стремления, мечты.



Б. В. Иогансон



А. П. Бубнов.

Нам жалко было отрывать от дела художника, который, даже говоря с нами, продолжал держать кисть в руках. Мы стали прощаться.

ЖИЗНЕРАДОСТНАЯ СЮИТА

Идя по Масловке — городку художников,— мы увидели А. П. Бубнова еще издали у автомашины. Александр Павлович что-то исправлял в своей «Победе». Он автомобилист. «Сидишь в мастерской часами, и вдруг оказывается, что совершенно необходим еще один этюд, нужно еще что-то посмотреть. Машина рядом — через полчаса уже за городом».

Мы поднимаемся вместе в мастерскую. Здесь четыре больших полотна: «Лето», «Полдень», «Спать пора», «Разговоры».

— Они еще не совсем закончены,— говорит Александр Павлович,— но я все успею сделать к выставке. Работаю сейчас много. Когда устаю писать стоя — картины большие,— сажусь и пишу другие, маленькие. Времени жалко!

То, что художник даст на выставку,— это его повседневная работа. Скромные сюжеты привлекают жизнерадостностью. В картине «Лето» изображена группа колхозниц. Сильные и прекрасные женщины идут среди высокой золотой пшеницы. Очень привлекательна по настроению и красива по колориту картина «Спать пора». В ней много поэзии.

Об одной картине из этой жизнерадостной сюиты — «Полдень» — художник просил пока не писать...

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Широко известны прелестные поэтические пейзажи Сергея Васильевича Герасимова и его большие тематические картины. Сейчас он работает над полотном, которое будет называться «За власть Советов». Собственно говоря, в этой картине будет подытожено то, над чем и раньше трудился художник,— ведь крестьянская тема особенно близка ему, а здесь он расскажет о борьбе партизан за Советскую власть. Тема задумана художником давно, собрано огромное количество материалов, поэтому так спорится работа.

Эту картину художник пишет в Можайске, у себя на родине, где у него небольшая мастерская. Там его окружают люди, которых он знает с детства, там легко ему выбрать нужную натуру.



Ф. С. Богородский.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Мы у Федора Семеновича Богородского. Художник — в свободной блузе, испачканной красками, с рассыпавшимися мягкими волосами, с палитрой и кистями в руках — пребывал, как он выразился, «в облаках вдохновения». Чтобы писать картину, ему пришлось взобраться на стремянку. Рядом натурщик — бравого вида человек с лихо закрученными усами, в форме матроса, с винтовкой в руках. Но почему на картине он и похож и непохож, выглядит как-то серьезнее, значительнее? Да просто потому, что для Богородского этот натурщик — только основа, на которой он создает то, что давно задумано, прочувствовано, пережито.

Тема, которую выбрал Богородский, близка и дорога ему, старому моряку, члену партии с 1917 года. Он пишет триптих, который хочет назвать «Отцы и дети». Сейчас завершена работа над правой частью триптиха — «Герои гражданской войны», левая посвящена морякам крейсера «Аврора». Центральная часть, самая большая, рассказывает о славных делах детей, достойных своих отцов. Великая Отечественная война. Октябрь 1942 года. Сталинград. Небольшая группа моряков прижата врагами к берегу. Решено пробиться любой ценой. И вот герои-моряки, встав в полный рост, с винтовками наперевес идут прямо на ошеломленных врагов...

— Этот триптих, — говорит художник,— я задумал еще двенадцать лет назад, в 1945 году, да-да, не удивляйтесь. И вот к 40-летию Октября должен обязательно закончить. Сейчас хочется работать больше, лучше. Хочется показать, что все мы, советские художники, и каждый в отдельности гордимся тем, что партия считает нас своими верными друзьями и помощниками.



С. В. Герасимов.

Фото О. Кнорринга.

ГОСТЬ С ОСТРОВА КОТЕЛЬНЫЙ

Экскурсант Всесоюзной сельскохозяйственной выставки знатный охотник Якутии Афанасий Михайлович Бубякин прибыл в Москву. Путь был недолог. Восемь часов лёта на «ТУ-104» — короткий миг для человека, впервые покинувшего Крайний Север, где просторы безграничны, а транспорт нетороплив. А. М. Бубякин вот уже девятнадцать лет промышляет на острове Котельный, за Полярным кругом.

Путь Афанасия Михайловича в Москву лежал через Иркутск, где проходил съезд сибирских заготовителей пушнины. Когда докладчик назвал цифру добытых якутским охотником в последнем сезоне песцов — 347 штук,— по залу прокатился гул. Это — рекордное количество по стране. 117 тысяч рублей заплатило государство охотнику за драгоценные шкурки.

Бубякину аплодировали лучшие охотники Сибири. Он чувствовал себя неловко, когда у него спрашивали об охотничьем «секрете». Дело в том, что «секрета» нет. Его сосед по участку Георгий Федорович Шеин лучше всего мог бы засвидетельствовать это. Был Шеин невидным охотником, когда пять лет назад получил свой участок. Перед сезоном пришел он за советом к Бубякину. Афанасий Михайлович показал ему:

— Вот видишь, капканы чиню.

Повел соседа по участку.

— Смотри, места замечай. Приманка — вот она. К охоте долго готовиться надо...

Терпеливо передавал Бубякин опыт своему русскому другу. А теперь ученик нагоняет учителя: у Шеина 318 песцов за сезон.

Седой охотник прогуливается по Москве. Он впервые видит Мавзолей, Кремль, метро, высотные здания...

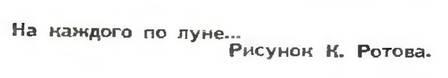
Далек остров Котельный, но отовсюду трудовые дороги ведут к Москве.

М. ГРИНЕВА



А. М. Бубякин (крайний справа) осматривает Третьяковскую галерею.
Фото Г. Санько.



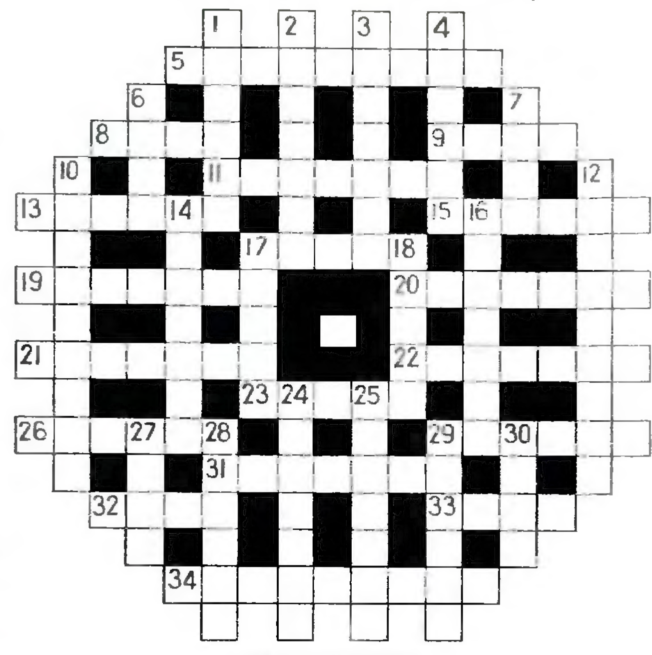


На каждого по луне...
Рисунок К. Ротова.



— Вот это машина! Сделала несколько миллионов километров — и все без капитального ремонта!..
Рисунок И. Оффенгендена.

КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Государство в Европе. 8. Порода малорослых лошадей. 9. Хлопчатобумажная ткань. 11. Высота боковой грани правильной пирамиды. 13. Часть речи. 15. Кустарник с душистыми цветами. 17. Произведение И. С. Тургенева. 19. Столица союзной республики. 20. Заключительная торжественная массовая сцена спектакля. 21. Пустыня на севере Чили. 22. Требование одной из договаривающихся сторон. 23. Герой поэмы А. С. Пушкина. 26. Французский писатель-реалист. 29. Нагрудный жетон. 31. Часть света. 32. Река в Азии. 33. Шахматная фигура. 34. Поэма К. Рылеева.

По вертикали:

1. Отделение предприятия, учреждения. 2. Соленое озеро в Казахской ССР. 3. Опера Ц. Кюи. 4. Картина или орнаментальная композиция из стекла. 6. Ударный инструмент. 7. Род художественной литературы. 10. Крупная морская птица. 12. Советский историк, академик. 14. Действующий вулкан в Мексике. 16. Дневная бабочка. 17. Залив при впадении реки в море. 18. Гладкий обломок горных пород. 24. Рвение, старательность. 25. Район нефтяной промышленности. 27. Круг на угломерных инструментах. 28. Лечебная минеральная вода. 29. Заграждение из поваленных деревьев. 30. Газ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

3. Кедров. 6. Ракетоплан. 9. Синхрофазотрон. 12. Рекорд. 13. Свиток. 14. Ликтор. 16. Словесник. 17. Регрессия. 19. Посиделки. 21. Крапивник. 22. Аносов. 23. «Синица». 25. Клапан. 26. Экспонирование. 27. Хлебозавод. 28. Флорин.

По вертикали:

1. Переводчик. 2. Композитор. 4. Фархад. 5. Кактус. 7. Кинопередвижка. 8. Политехнизация. 10. Белоруссия. 11. Константан. 14. Лирика. 15. Резерв. 16. Слип. 18. Ялик. 20. Инкунабулы. 21. Коксование. 24. Ампула. 25. Краков.

Мушка

На строительной площадке исчезла общая любимица, собака Мушка. Пропажу заметили многие рабочие. Прошел день, другой, третий... О Мушке стали забывать. Не до того тут было: шла уже сдача нового жилого дома. А на одиннадцатый день пришли сюда слесари для небольшого ремонта. В подвале они услышали слабый писк. Разобрали кладку канала теплотрассы, оттуда показалась ослабевшая собака. В темноте повизгивали щенята. Оказалось, что Мушка, прежде чем ощениться, нашла для себя место потеплее и потемнее, а рабочие, не подозревая о том, замуровали ее в канале. Так она и прожила почти одиннадцать суток без еды, воды и света со щенятами. Собака была сильно истощена. Зато щенята чувствовали себя превосходно. Мушку отпоили молоком. Через несколько дней она весело бегала по строительной площадке.

Н. БЕРЕЗИН.
В. ГЕФТ

Николаев.

На вкладках этого номера репродукции картин: Ф. Шурпина «Мать», Д. Мурашева «На границе», Н. Шевандроновой «Праздничное утро в деревне», В. Басова «На дорогах Подмосковья» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06695. Подписано к печати 12/X 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1279. Заказ № 2548.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ветер.

Фото А. Скурихина.

КИЕВ. Крещатик.

Фото чехословацкого корреспондента Виктора Радницкого.


Цена номера 3 руб.